

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

The journal is included in the List of periodicals recommended by the Higher Attestation Commission for publication the main results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

- Дзятковский А.Д., Груневский В.А.* Использование технологии блокчейн и гомеостатических принципов в монетарной политике государств 3
- Кирова И.В.* Инновационная среда как фактор повышения эффективности деятельности реального сектора экономики..... 11
- Максименко В.А.* Формирование лояльности административно-управленческого персонала современного вуза..... 15
- Мирзоев Э.Ф.* Специфика финансирования российских стартапов в инновационной сфере 23
- Нуренбергер Л.Б., Роголева Н.Л., Петренко Н.Е.* Современный деловой туризм: структура, особенности, развитие 28

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. КРЕДИТ

- Нурмухаметов Р.К., Воскресенская Л.Н., Мясникова Е.Б.* Банковские экосистемы в России: сущность, виды, регулирование 33
- Шилин Л.И.* Совершенствование налогообложения цифрового бизнеса..... 39

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ

- Анисимов А.Л.* Экономико-математическая модель повышения эффективности управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта: концептуальный подход 42
- Афанасьев П.В.* Особенности отношения сотрудничества и использования ресурсов в сетевых структурах..... 47
- Мамбетшаева А.Э.* Обеспечение экономической безопасности национального хозяйства России 52

Учредители: ООО «Издательство «КНОРУС», Соколинская Н.Э., Зубкова С.В., Рудакова О.С., Григорян А.Ф.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74240 выдано 02.11.2018
ISSN 2658-3917

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Сайт: <http://finmarketbank.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАВРУШИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ, д-р экон. наук, академик РАН, членкорр. РАЕН, проф., руководитель Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Соколинская Наталия Эвальдовна (зам. главного редактора), канд. экон. наук, проф., проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Авис Олег Ушеревич, канд. экон. наук, доц. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Альпидовская Марина Леонидовна, доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Андрюшин Сергей Анатольевич, др экон. наук, проф., ответственный секретарь комиссии по банкам и банковской деятельности, Российский союз промышленников и предпринимателей, главный научный сотрудник Центра эволюционной экономики РАН

Безсмертная Екатерина Рэмовна, канд. экон. наук, доц., декан факультета финансовых рынков имени профессора В.С. Герасченко, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Вахрушев Дмитрий Станиславович, др экон. наук, проф., проф. кафедры финансов и кредита, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Гамза Владимир Андреевич, канд. экон. наук, канд. юрид. наук, председатель Комитета по финансовым рынкам и кредитным организациям, Торгово-промышленная палата Российской Федерации

Зубкова Светлана Валерьевна, канд. экон. наук, доц. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ильина Лариса Владимировна, др экон. наук, проф., проф. Саратовского социальноэкономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова (филиал ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»)

Коробов Юрий Иванович, др экон. наук, заведующий кафедрой банковского дела, денег и кредита Саратовского социальноэкономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова

Криничанский Константин Владимирович, др экон. наук, проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ларионова Ирина Владимировна, др экон. наук, проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Левин Юрий Анатольевич, др экон. наук, проф., МГИМО

Мешкова Елена Ивановна, канд. экон. наук, доц. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Миркин Яков Моисеевич, др экон. наук, проф., заслуженный экономист РФ, заведующий отделом международных рынков капитала, Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Морозова Ирина Анатольевна, др экон. наук, проф., заведующая кафедрой экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет

Рубцов Борис Борисович, др экон. наук, проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рудакова Ольга Степановна, др экон. наук, проф., проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Травкина Елена Владимировна, др экон. наук, проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Тургель Ирина Дмитриевна, др экон. наук, проф., замдиректора по науке Высшей школы экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ушанов Александр Евгеньевич, канд. экон. наук, доц. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Фиапшев Алим Борисович, др экон. наук, проф. Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сальникова Нина Николаевна, директор SIA Finansu universitate, председатель правления SIA MKC VERTSPAPIRI, Латвия

Ролдугин Валерий Иванович, др экон. наук, проф., председатель профессорского совета, Балтийская международная академия, Латвия

Бутиков Игорь Леонидович, др экон. наук, проф., директор Центра исследований проблем приватизации, развития конкуренции и корпоративного управления при Госкомконкуренции Республики Узбекистан, Узбекистан

Хуммель Детлев, др экон. наук, профессор Университета Потсдама, Германия

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Подписано в печать: 30.08.2021

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND ENTREPRENEURSHIP

<i>Dziatkovskii A.D., Hrunouski V.A.</i> The use of blockchain technology and homeostatic principles in the monetary policies of states.....	3
<i>Kirova I.V.</i> Innovation environment as a factor in increasing the efficiency of the real sector of the economy...	11
<i>Maximenko V.A.</i> Formation of loyalty of administrative and management staff of a modern university.....	15
<i>Mirzoev E.F.</i> Specificity of financing of Russian startups innovative	23
<i>Nyurenberger L.B., Rogaleva N.L., Petrenko N.E.</i> Modern business tourism: structure, features, development	28

FINANCE. TAXATION. CREDIT

<i>Nurmukhametov R.K., Voskresenskaya L.N., Myasnikova E.B.</i> Banking ecosystems in Russia: essence, types, regulation	33
<i>Shilin L.I.</i> Improving the taxation of digital business	39

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS

<i>Anisimov A.L.</i> Economic and mathematical model of improving the efficiency of managing the competitiveness of an economic entity: a conceptual approach.....	42
<i>Afanasyev P.V.</i> Features of relationship cooperation and use of resources in network structures.....	47
<i>Mambetshaeva A.E.</i> Ensuring the economic security of the national economy of Russia.....	52

Founders: **Knorus Publishing House LLC, Sokolinskaya N.E., Zubkova S.V., Rudakova O.S., Grigoryan A.F.**

Media Registration Certificate

PI No. FS77-74240 issued 02.11.2018

ISSN2658-3917

Editorial office: 117218, Moscow, ul. Kedrova, d.14, building 2

Website: <http://finmarketbank.ru>

CHIEF EDITOR

LAVRUSHIN OLEG IVANOVICH, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, RAENS, prof., Head of the Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Sokolinskaya Natalia Evaldovna (Deputy Chief Editor), PhD in Economics, Professor, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Avis Oleg Usherovich, PhD econ. Sciences, Assoc. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Alpidovskaya Marina Leonidovna, Doctor of Economics, Professor, Professor of Economics Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

Andryushin Sergey Anatolyevich, Doctor of Economics, Professor, prof., Executive Secretary of the Commission on Banks and Banking, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Principal Researcher, Center for Evolutionary Economics, RAS

Bezsmertnova Ekaterina Removna, PhD econ. Sciences., Assoc., Decan of the Faculty of Financial Markets named after Professor V.S. Gerashchenko, Financial University under the Government of the Russian Federation

Vakhrushev Dmitry Stanislavovich, Doctor of Economics, Professor, prof., prof. Department of Finance and Credit, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Yaroslavl State University named after P.G. Demidova "

Gamza Vladimir Andreevich, PhD econ. sciences, PhD legal Science, Chairman of the Committee on Financial Markets and Credit Organizations, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation Zubkova Svetlana Valerievna, PhD econ. Sciences, Assoc. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Zubkova Svetlana Valerievna, PhD econ. Sciences, Assoc. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Ilyina Larisa Vladimirovna, Doctor of Economics, Professor, prof., prof. Saratov Socio-Economic Institute, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (branch of FSBEI HE "Russian Federal University of Economics named after G.V. Plekhanov")

Korobov Yuri Ivanovich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking, Money and Credit, Saratov Social and Economic Institute of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

Krinichansky Konstantin Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Larionova Irina Vladimirovna, Doctor of Economics, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Levin Yuri Anatolyevich, Doctor of Economics, prof., MGIMO
Meshkova Elena Ivanovna, PhD econ. Sciences, Assoc. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Mirkin Yakov Moiseevich, Doctor of Economics, Professor, Honored Economist of the Russian Federation, Head of the Department of International Capital Markets, Institute of World Economy and International Relations, RAS

Morozova Irina Anatolyevna, Doctor of Economics, prof., Head of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University

Rubtsov Boris Borisovich, Doctor of Economics, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Rudakova Olga Stepanovna, Doctor of Economics, sciences, prof., prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Travkina Elena Vladimirovna, Doctor of Economics, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Turgel Irina Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Science, Higher School of Economics and Management, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "UrFU named after First President of Russia B.N. Yeltsin"

Ushanov Alexander Evgenievich, PhD econ. Sciences, Assoc. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

Fiapshev Alim Borisovich, Doctor of Economics, prof. Department of Financial Markets and Banks, Financial University under the Government of the Russian Federation

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Salnikova Nina Nikolaevna, Director of SIA Finansu universitate, Chairman of the Board of SIA MKC VERTSPAPIRI, Latvia

Roldugin Valery Ivanovich, Doctor of Economics, professor, chairman of the professor council, Baltic International Academy, Latvia

Butikov Igor Leonidovich, Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Research on the Problems of Privatization, Development of Competition and Corporate Governance at the State Competition Committee of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Hummel Detlev, Doctor of Economics, Professor, University of Potsdam, Germany

Printed at the printing house LLC Rusyns, 117218, Moscow, st. Kedrova, d.14, building 2

Circulation 300 copies. Signed to print: 30/08/2021

Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

Использование технологии блокчейн и гомеостатических принципов в монетарной политике государств

Дзятковский Антон Дмитриевич,

соискатель, Парижский колледж международного образования
E-mail: dziatkov@mail.ru

Груневский Владимир Анатольевич,

руководитель контент-маркетинга, Platinum Software Development Company
E-mail: hruneuski@mail.ru

В статье представлены основные тенденции применения технологии блокчейн и основных принципов гомеостатики в формировании денежно-кредитной политики: исследованы теоретические подходы и методологическая база для проведения исследования. В качестве инструментария для исследования использованы литературные и статистические данные. Проанализированные данные позволили сделать вывод, что распределенные бухгалтерские книги, использующие средства блокчейна, представляют собой модель, управляемую принципами гомеостатики. Они характеризуются схожей структурой (четыре слоя) и способны повысить прозрачность финансового рынка. Опираясь на законы гомеостатики, блокчейн упрощает процессы по сравнению с централизованными решениями и позволяет создавать гибкие модели расчетов. В аналитической части мы предположили, что внедрение цифровых валют на основе блокчейна может оказать серьезное краткосрочное и долгосрочное влияние на денежные системы и поставить под вопрос роль Централных банков.

Ключевые слова: прикладные информационные технологии, технология распределенных реестров, блокчейн, финансово-экономическая сфера, денежно-кредитная политика, гомеостатика.

Introduction

The relevance of the research topic revolves around the fact that under the modern conditions in the financial market, digital information technologies are being actively integrated, with distributed ledgers (distributed ledger technology – DLT) being one of the most promising innovations.

Central banks (hereinafter referred to as ‘CB’s) of various countries use this technological solution for the following operations:

- issuing of digital currencies of the CB;
- development of cross-border payment systems;
- inter-bank settlements in the securities market;
- issue of bonds and management of their circulation.

Homeostatics is defined as the cybernetics of the XXI century, which have become an incentive for the growth of the information society and the use of cybernetics. This is because the focus of development has shifted from conventional to information-based systems, which is the key vector for the development of the modern world. Leveraged through the methodology and tools of homeostatics, blockchain is a consensus that allows you to agree on a given result and carry out the transaction process independently, consistently and without outside interference.

Integration and use of blockchain technology and homeostatic principles creates the conditions for the transformation of payment, clearing and settlement procedures in payment systems, making it possible to improve efficiency by reducing risks.

The implementation of monetary policies using the technology of distributed ledgers and blockchain, provides an opportunity for the issuance of CBs’ digital currencies. The significance of this is determined not only by the modernization of the methodology but also by the need to create a fundamentally new monetary form [12].

The procedure for issuing digital currency and its inclusion in the existing monetary system is controversial, since it functions under the influence of the participants of the payment and monetary systems, as well as carrying financial and systemic risks.

The limiting factors of blockchain technologies in the framework of monetary policy include: the insufficient formation of digital currencies’ properties; the lack of a definition for emission models; the advan-

tages and disadvantages of issuing digital currencies compared to monetary forms,; and the impact of the emission of digital currencies on the stability of the monetary systems of countries [18,19].

Materials and methods

The following research methods were used:

- research of theoretical literature, including consideration of various theoretical studies which form a general theoretical and methodological approach to the management of blockchain technology and the principles of homeostatics;
 - analysis – this method was used to assess the application of blockchain technology and homeostatic principles;
 - synthesis helps to systematize the indicators for utilization of blockchain technology and homeostatic principles;
 - comparison provides research and evaluation of blockchain technology and homeostatic principles;
- The object of the research is the implementation of monetary policy in modern conditions.

The subject of the research is the implementation of the monetary policies of states through the use of blockchain technology and the principles of homeostatics.

Literature review

Being deeply rooted in cybernetics, homeostatics reveals the universal laws that govern systems and studies the properties and patterns of maintaining a stable, but non-equilibrium, state of systems. Homeostatics largely determines the dynamic growth of the information society and the application of cybernetics while causing a shift in focus from classical systems to the information sphere. This is in alignment with the basic vector of development [20].

Homeostatics ensures the functioning of the system through the use of an internal network of direct, reverse and cross connections between the following parties: a) the “leader” as the goal of training, b) the “performers” – content, methods, means and organizational forms, and c) the “controlled object” – the subject of the system. Functioning communication systems can be presented as neutral, allied, partnering, stabilizing, competitive or conflicting. They are implemented in various educational, project and social situations.

The adaptive scheme of interaction provides the possibility of self-development by resolving contradictions, both within the system and with the environment, being based on the “goal-result” feedback.

The mechanism of protection or self-preservation prevents the system from the emergence of crisis conditions or internal conflicts that threaten the achievement of the final goal. This ensures sustainable development and reliable functioning. The scheme redistributes the impact in the system to obtain a target indicator by changing the load on individual indicators and regulating the entire system as a whole.

Thus, homeostatics gives the system a margin of safety in relation to internal and external conflicts

caused by natural fluctuations in the parameters of the system and the environment, or uneven development of various components and force majeure circumstances.

Realized through the prism of homeostatics, blockchain is an agreement protocol that helps interconnected computers to agree on a specific outcome and execute a transactional process, consistently staying independent of external influences.

Blockchain technology is based on various reliable communication mechanisms such as the consensus algorithms described earlier. Accordingly, the decision-making process (validation) is collective, which eliminates the risk of wrong behavior, mistakes or failure [1].

Every time an unnecessary or malicious action is detected in the blockchain and a new consensus is required, the faulty node is removed from the network. The exchange of information, data or messages cannot be canceled or interrupted by a problem. When one or more nodes of the blockchain network change their behavior, the rest continue working as intended.

Thus, blockchain basically creates homeostasis – a system that can self-stabilize, protect itself against negative external and internal factors and, if necessary, adapt to new conditions, including its own mechanisms. Blockchain technologies correspond to the main secondary and protective circuits of the homeostatic structure.

The protection loop ensures system reliability by preventing or eliminating potential failures. It is designed to regulate and adjust the operation of the entire system and thus, to support its sustainable development. As a result, the blockchain network becomes conflict-free: participants follow the rules established by consensus. If a problem occurs, it will be resolved according to the accepted consensus algorithm [9].

The blockchain is a self-adapting and self-stabilizing mechanism, therefore, a system based on decentralized technology will continue functioning regardless of the impact of external and internal factors, including human influence.

The human factor can have a strong impact on the stability of the system (its homeostasis), both positive and negative, which must be taken into account when designing and managing any system, or even excluded, if possible. Blockchain works seamlessly without human intervention, which makes the technology an effective tool for integrating into a functioning system.

Trends in monetary policy demonstrate the need to differentiate functions when using financial instruments such as storage, settlement, clearing and other functions, when carrying out transactions in the financial and economic sphere [5].

Currently implemented trading platforms with a certain level of decentralization do not demonstrate a large trading volume compared to centralized solutions. They constitute less than 1% of the total trading volume, which may be the result of both instability and the high risk of manipulation, or the problem of member identification in a fully distributed open system architecture.

To ensure protection against risk, it is possible to use multi-signatures, including hardware key storage and software cryptographic solutions that prevent unauthorized access. The current level of development of distributed center technologies is not enough for ensuring complete protection, so it's too early to recommend existing cryptographic tools – they don't guarantee the required level of confidentiality [2,3].

To sustain confidentiality, access restrictions should be integrated into the blockchain network based on identical protocols with centralized and cloud solutions, on the type of role and connection channels and through the use of industry-proven cryptographic methods.

So far, a significant base for using the technology of distributed centers has been formed. It includes a practical application for work, taking into account the existing business processes in the Russian Federation.

The NSD blockchain laboratory is currently exploring opportunities for integrating various capabilities:

- stress testing of distributed centers' configuration;
- application of zero-knowledge evidence;
- use of various tokenization schemes.

To increase the level of blockchain tech security in monetary policy, it is necessary to ensure regulation and to minimize the level of risks for obtaining control over assets during storage and trading, based on the current regulatory framework and methodological provisions [11].

The main directions of using blockchain solutions for the implementation of monetary policy are presented in Figure 1.

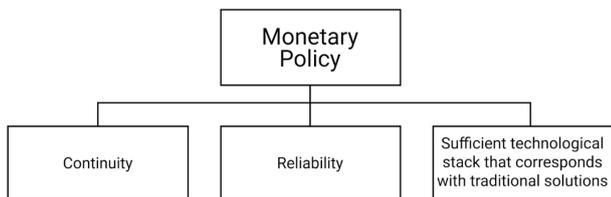

Fig. 1. The basic principles of blockchain technologies used to implement monetary policy.

The use of blockchain technology and homeostatic principles will guarantee the implementation of requirements based on a dedicated blockchain network operator – a consortium of network or blockchain network participants the creation of which is initiated for creation and operation.

Results

The use of blockchain technology and the principles of homeostatics in the monetary policy of the state can be implemented by issuing a digital currency that can become an alternative to the current dollar settlement system.

Issuing digital currency minimizes the impact of sanctions and mitigates boycott threats, both at the national and corporate level. It can also facilitate integration into global currency markets and reduce political risks.

To use digital currency, one does not need to open a bank account – it is enough to pass KYC identification. The National Bank of China proposes to implement a monetary policy through the issuance of digital currency based on blockchain technology and homeostatic principles [13,15]. The proposed mechanism for the distribution of digital currency is shown in Figure 2.

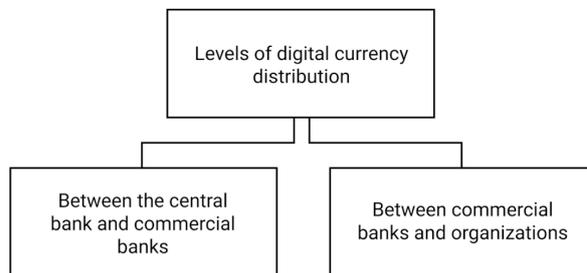

Fig. 2. Levels of digital currency distribution proposed by the National Bank of China.

When developing a model for issuing a digital currency, the following advantages were declared:

- More accurate calculation of macroeconomic indicators;
- Expanding the ability to collect data in real time: creation, accounting and circulation of money. That provides policy makers with useful information;
- Prevention of money laundering, terrorist financing and tax evasion;
- Internationalization of the yuan (the national currency);
- Reduction of information asymmetry between financial institutions and regulators;
- Lower cost for issuing cash money supply: printing and minting.

Thus, by issuing digital currency, the People's Bank of China can gain control over the socio-economic sphere. In addition, the proposed scheme cannot be a direct competitor to existing cryptocurrencies, such as Bitcoin or Ethereum, because its emission is highly centralized.

The proposed aspects of the monetary policy of the Central Bank of China when issuing digital currency, call for addressing the following issues:

1. Determining the significance of digital currency for payment systems.
2. The impact of digital currency on the monetary system and monetary policy of the Central Bank.
3. The impact of digital currency on credit institutions [4].

What can incentivize people when issuing a CB digital currency is the introduction of a safe and universally accessible payment instrument, conditioned by a decrease in demand for cash.

While blockchain technologies have significantly improved the usability and efficiency of electronic instruments compared to cash in retail payments at the national level, this trend has not been observed at the cross-border level. Typically, cross-border payments are slower, less transparent and more expensive than domestic payments [7].

The transforming payment policy of the Central Bank of China determined the adoption of a strategy that determines the need to develop and ensure the introduction of new technologies [14]. Being under the control of a private issuer, most of the electronic money supply is moving away from traditional means of

payment; accordingly, the Central Bank would lose its ability to pursue a monetary and financial credit policy. In this regard, the use of digital currencies seems to be one of the most promising areas in monetary policy (Fig. 3).

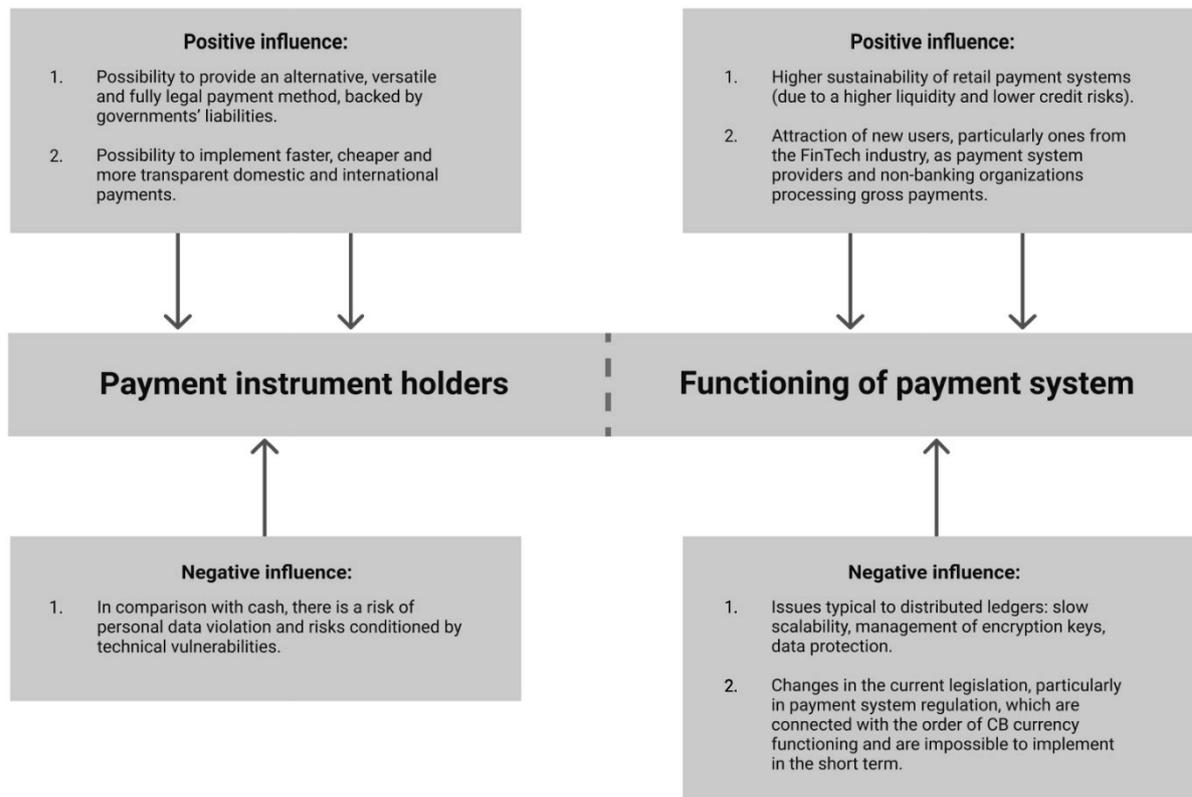

Fig. 3. The main drivers of the issuance of the central bank digital currency in the monetary policy of China

As can be seen from Fig. 3, an important incentive for the issuance of the CB's digital currency is the ability to increase the stability of existing payment systems with its help.

In Table 1, we presented scenarios for the introduction of digital currencies by grouping them according to their ascending degree of influence on the regulatory role of the CB in the monetary sphere [16].

Table 1. Central Bank Digital Currency Implementation Scenarios

Method of digital currency implementation	Description of integration scenario	Advantages of digital currency	Impact on the monetary system	Impact on the monetary policy of the Central Bank
1. Substitution of cash (competition and substitution of cash in circulation)	Moving from cash to the digital currency of the CB	Ease of use and possible anonymity in payments	Replacing a component in the MO unit	Minor
2. Cash supplement (competition with payment systems)	2. Cash supplement (competition with payment systems)	Ease of use when paying for goods and services, increased stability of payment systems	Possible influence on the structure of components in the M1 unit	Significant: the growing impact of the CB in the payment system market
3. Simultaneous handling of cash (competition with deposits in commercial banks)	Outflow of funds from deposits in the digital currency of the CB	Ease of use when paying for goods and services, possible accrual of interest	Possible influence on both structure and volume of aggregates M1 and M2	Significant: change in the liabilities of the CB and commercial banks

The possibility of storing digital money directly with the CB can determine two main areas of influence on monetary and financial policy:

- Strengthening the transmission mechanism of monetary policy.
- Reducing the volume of lending provided by credit institutions [6].

As you can see from Table 1, the CB digital currency can either become a replacement for cash, it can supplement it or it can stay in parallel circulation with cash. Strengthening the transmission mechanism of monetary policy can be achieved through a direct impact on the value of money.

Generally accepted basic functions of traditional currency include: a medium of exchange, a unit of account and a value accumulator. To illustrate the impact of digital currency, it is important to discuss whether digital currency serves the same function as traditional money [8].

From the standpoint of an exchange medium, there is no doubt that digital currency can be freely exchanged as a method of payment.

Digital currency can be exchanged not just in transactions, it can also be exchanged for cash, which is the role of a medium of exchange.

There are various retail sectors willing to accept digital currencies, particularly online retail. However, not all commercial sectors accept digital currencies. It takes longer to be adopted in all markets when compared to generally recognized regular currencies.

Most digital currencies still rely on traditional currencies to assess their market value. Without intrinsic value, a high price of digital currency is a bubble. This approach proves that the risk of an independent digital currency is relatively high, so the question of whether a digital currency can be treated as a unit of account in the same way as a paper currency still remains open and requires further research [10,17].

Preservation of value means that a given asset has value and “can be stored and retrieved in the future,” while the growing number of digital currency users proves that it can satisfy people’s liquidity needs.

Once the demand for digital currency has been identified, the supply of digital currency will remain, but without official recognition. The value of digital currencies will rather depend on market preferences. Thus, the demand for digital currency remains uncertain.

While the three functions of a digital currency are clearly not comparable to those of the traditional money supply, there are undeniable similarities between them. In addition to similar functions in the properties of digital and traditional currency, the results of substituting digital currency with traditional should also be taken into account. The issuer of the digital currency determines the impact of the monetary policy.

Discussion

Saxo Bank economists predict that China may introduce the digital equivalent of the yuan for massive use in 2021. According to predictions, the new means of payment will simplify mutual settlements within the country and reduce the share of illegal transactions. Moreover, the launch of e-currency will give China the opportunity to fully open up its financial market to foreigners. As a result, the digital yuan can gain popularity in international trade and investment, as well as become an alternative to the dollar. In 2019, the share of non-cash payments in China reached 80%. In October 2020, a pilot test of the digital yuan was carried out.

Payment functions of the financial infrastructure should be implemented directly on the blockchain in the form of real-time gross settlements (RTGS) or other settlement models. This functionality requires the presence of funds within the blockchain and is classified within the ISSA working group, according to the method of their emission (Table 2).

Table 2. Tokenization of money

Method of emission	Risk grade (from 1 to 5)	Issuer	Custodian	Example
Central Bank Digital Currency (CBDC)	1	Central banks	Central banks	Digital currency in China, E-Krona in Sweden; Inthanon Project in Thailand; Eastern Caribbean Central Bank; Central Bank of Uruguay
Token backed by cash held in reserve accounts with the central bank and backed by the central bank	2	Central depositories and / or associations of commercial banks	Central banks	Digital Singapore dollar and the ability to use tokens issued by several CBs (Ubin project with the participation of the Bank of England and the Bank of Canada); Stella project of the European Central Bank and the Bank of Japan
A token issued for funds held in a general reserve account of the CB without warranties from the CB	3	Central depositories and / or associations of commercial banks	Central banks	Finality project funded by 14 banks, (previously known as Utility Settlement Coin (USC))
Token issued based on cash deposits in a commercial bank	4	Commercial banks	Commercial banks	Signet Coin Signature; JPM Coin J.P Morgan bank
Token issued by organizations without a banking license	5	Cryptocurrency marketplace trust funds	Commercial banks	Gemini Dollar from Gemini cryptocurrency exchange platform; Paxos Standard (PAX) by Paxos Company

Together with legal restrictions, the current model of risk distribution within the financial infrastructure excludes the possibility of working with tokens issued by

organizations without a banking license or native technology tokens. This solution forces market participants to face a limited set of jurisdictions.

The use of tokens issued on the basis of cash deposits in a commercial bank is fully controlled by a specific legal entity and entails risks due to the lack of regulatory control. The first three models offer the lowest risks and stay controlled by the regulator, which makes them the most promising ones.

The digital currency issued by financial and non-financial institutions will affect monetary policy in different ways. As a result, the digital currency based on the electronic platform of commercial banks and obtained by financial institutions will gradually reduce the available funds in the market.

On the other hand, a digital currency issued by non-financial institutions that's independent from a CB, cannot be created with loans from commercial banks. It can alter the supply of unsecured currency and therefore affect monetary policy.

In a traditional monetary system, CBs tend to control the economy through monetary policy in order to adjust the supply of traditional money. At the same time, CBs stimulate the supply of money by setting interest rates at a level that will induce commercial banks to create bank loans to meet market needs.

As the supply of digital currency increases, CBs' assets and liabilities will shrink, leading to governance problems. In particular, the money reserve that CBs use to conduct monetary policy will be changed, so the digital currency can weaken the functions of monetary policy by affecting the speed of fund circulation.

Along with the decline in traditional cash, a potential threat could arise from an increase in the digital money supply without legal control. A significant effect from the promotion of digital currency will lead to the elimination of monetary policy.

Out of significant trends in economic development and digitalization, it is important to highlight the technology of distributed centers (blockchain) that will transform the existing structure of the economy and finance. According to the forecast by the Gartner agency, businesses based on blockchain technology could reach \$10 billion.

When it comes to the trends of using distribution registry technology, it has not yet reached a stage of maturity. At the same time, scientists note that blockchain has a high potential for cutting expenses in the financial services industry. In addition, it can be used in any industry that needs transaction verification.

Security is the major aspect in the formation of economic and financial infrastructure, so technological support should ensure the highest level of protection for assets through the integration of mechanisms that prevent unauthorized access to data. In addition, it is relevant to resolve the issue of identifying a network participant.

The trends of financial infrastructure development demonstrate the need to differentiate the functionality when using financial instruments such as storage, settlement and clearing, from the functionality when performing transactions in the financial and economic sphere.

Based on the results of the study, we can outline the following key trends in the issuance of digital currency by the Central Bank of China:

1. The issue of digital currency that's based on the use of distribution ledger technology can stimulate the appearance of new forms of digital money that will be different from cash and traditional monetary balances in the settlement or reserve accounts of the Central Bank of China.

There's one specific point worth mentioning: an increased liquidity with a digital currency low risk level and the subsequent ease of use as part of decentralized virtual currency adoption for private issuers, which will ensure the main motivations for the issuance of digital currencies by the CBs.

2. Within the framework of existing trends, it should also be mentioned that digital currencies are a tool for both retail and wholesale payments. The emission of digital currency by a CB at the technical level can be implemented on the basis of token issuing or it can rely on the direct use of accounts in the CB.

At the same time, the properties of the digital currency regarding making retail payments based on tokens can duplicate the characteristics of cash, with one exception – complete anonymity of payments.

3. Key characteristics of a digital currency that may have an impact on the position of digital currencies in the existing monetary system are:

- emission technology in use;
- currency storage method;
- level of anonymity;
- mechanisms for the implementation of mutual settlements;
- ways of including currency in the monetary system;
- access level when paying in cash;
- rate of interest payments.

The technology of distributed ledgers is utilized for issuing digital currency in China, so funds are stored in the accounts of the CB or in users' accounts.

4. Integration of CB digital currency for different types of payments allows for the following conditions payment and clearing systems. When deciding on the creation of a digital currency, it is necessary to conduct a comparative analysis with existing and utilized settlement and payment options. In addition, it is necessary to take into account the impact of digital currencies on the competence of the Central Banking sphere for the implementation of monetary policy and the subsequent provision of stability.

The key advantages of issuing digital currency are the ability to create a universal and alternative means of payment and to implement cross-border payments based on speed, transparency and low cost. The most significant shortcomings of the CBs' digital currency issue are the following trends: violation of the financial stability of credit institutions, lower level of liquidity and the impact of cyber risks.

5. The impact of the CB digital currency on monetary policy is determined by the way it is integrated. When cash is replaced with digital currency, there is a minor effect on the monetary system and the CB.

The most significant effect can be achieved with the simultaneous use of cash and CB digital money, which will make it possible to store digital money with the CB, strengthen the transmission mechanism of monetary

policy and decrease the level of commercial lending. Respectively, it will lead to a structural transformation of credit institutions' liabilities. At the same time, these changes are not critical and can be minimized by adjusting monetary policy measures and using the bank deposit insurance system.

Conclusion

Blockchain is one of the promising technologies for implementing projects in the financial market, but it remains an alternative to data handling along with centralized and cloud solutions.

The use of distributed ledger technology for the implementation of financial infrastructure functions: a) makes it possible to simplify processes compared to several centralized solutions; b) increases the transparency of the financial market for the regulator and participants; c) provides conditions for flexible settlement models directly on the blockchain. As part of the new asset integration process, the use of this solution can be economically and logically justified, when compared to other implementation options.

The current state of privacy solutions requires traditional data approaches to sustain sufficient scalability and performance when working with distributed ledgers. The use of blockchain technology and the principles of homeostatics in the monetary policies of states can be implemented by issuing a digital currency that can become an alternative to the current dollar settlement system.

To ensure maximum efficiency, blockchain should be integrated in the entire set of business processes associated with a certain type of asset or service. Tokenized funds should be used in the blockchain infrastructure while the existing financial infrastructure should be optimized to work with new types of assets, using distributed ledger technology.

While it is too early to say whether digital currency will eventually replace traditional money, the velocity of money circulation will undeniably become more flexible. Widespread digital currency will have a significant impact on the Chinese market over time.

The impact of digital currency will be different in the short and long term, which will create problems for the implementation of monetary policy. Insufficient data and uncertain classifications affect the results – the threat of digital currency can cause a difficult situation for the Central Bank of China with regards to implementing a monetary policy, especially when the volume of digital currency is undervalued by the CB.

According to predictions, with the proliferation of digital currency, the independent role of China's CB will be under question, which could further constrain the transmission of monetary policy. The proposed recommendations for the formation of monetary policy assume that the Central Bank of China will standardize its monetary value and improve regulations as well as its control mechanisms; the purpose being to modernize the financial and economic system by optimizing monetary policy as a result of the introduction of a digital currency.

THE USE OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND HOMEOSTATIC PRINCIPLES IN THE MONETARY POLICIES OF STATES

Dziatkovskii A.D., Hrunuski V.A.

Paris College of International Education, Platinum Software Development Company

The article presents the main trends in the application of blockchain technology and the basic principles of homeostatics in the formation of monetary policy: theoretical approaches and a methodological basis for conducting the study are investigated. The tools used for the research include literature and statistics. Analyzed data allowed us to conclude that distributed ledgers leveraged by the means of blockchain represent a model ruled by the principles of homeostatics. They are characterized by a similar structure (four layers) and can increase the transparency of the financial market. Being supported by the laws of homeostatics, blockchain simplifies processes compared to centralized solutions and enables flexible settlement models. In the analytical part, we assumed that the implementation of blockchain-based digital currencies may have a serious short- and long-term impact on monetary systems and put the role of Central Banks under question.

Keywords: applied information technology, distributed ledger technology, blockchain, financial and economic sphere, monetary policy, homeostatics.

References

1. A First Look at Identity Management Schemes on the Blockchain URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1801/1801.03294.pdf>
2. A Huge List of Cryptocurrency Thefts URL: <https://hackernoon.com/a-huge-list-of-cryptocurrency-thefts-16d6bf246389>
3. Al-Laham, M. Altarawneh, H. Abdallat, N. 2019. Development of Electronic Money and Its Impact on the Central Bank Role and Monetary Policy. *Issues in Informing Science and Information Technology*. 6. pp.340–349.
4. Amromin, G. and Chakravorti, S. 2018. Whither Loose Change? The Diminishing Demand for Small Denomination Currency. Norges Bank. URL: http://m.norges-bank.no/Upload/Konferanser/20108-11-14/Chakravorti_paper.pdf
5. An Inside Look at China's Government Controlled Cryptocurrency Project [WWW Document], 2018. CCN. URL <https://www.ccn.com/an-inside-look-at-chinas-government-controlled-cryptocurrencyproject/>
6. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – A survey on central bank digital currency. *BIS Papers*. 2019; (101). URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispap101.pdf>.
7. Barrdear J., Kumhof M. The macroeconomics of central bank issued digital currencies. Bank of England. Staff Working Paper. 2016; (605). URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/working-paper/2016/themacroeconomics-of-central-bank-issued-digital-currency>
8. Berch M., Garratt R. Central bank cryptocurrencies. *BIS Quarterly Review*. 2017; (Sept.):55–70. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1709f.pdf
9. Blockchain Quick Reference: A guide to exploring decentralized blockchain application development By Brenn Hill, Samanyu Chopra, Paul Valencourt <https://books.google.ru/books?id=Rc-JoDwAAQBAJ&pg=PA36&lpg=PA36&dq=cr+yptokitty+ethereum+performance+references&source=bl&ots=ueYSfK-MGId&sig=ACfU3U3v87VnUb83Ney6SONxBH6C-MfcNw&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwi7wqeQtsvkAhXrilsKHaHWDCY-4ChDoATAAegQICBAB#v=onepage&q=cryptokitty%20ethereum%20performance%20references&f=false>
10. Casting Light on Central Bank Digital Currencies [WWW Document], n.d. IMF. URL <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2018/11/13/Casting-Light-on-Central-Bank-Digital-Currencies-46233>
11. Central bank digital currencies. Committee on Payments and Market Infrastructures BIS Report. 2018. p. 2.
12. Central Banks and Distributed Ledger Technology: How Are Central Banks Exploring Blockchain Today? World Economic Forum's White Paper. 2019. p. 9

13. China, 2018. China Financial Stability Report 2018. URL <http://www.pbc.gov.cn/english/130736/3729741/2018122816383065381.pdf>
14. China Daily URL: <http://www.chinadaily.com.cn/>
15. China Economy Network. Yu'eobao: higher interest rate than commercial banks. URL. Available at: http://www.ce.cn/celt/wy-ry/201306/18/t20130618_24487125.shtml
16. Collier, I., Ward, O, Take the reins | The Actuary, the official magazine of the Institute and Faculty of Actuaries [WWW Document], 2018, URL <http://www.theactuary.com/features/2018/12/take-the-reins/>
17. Crypto-Asset-Whitepaper-2019 URL: <http://www.dtcc.com/~media/Files/Downloads/WhitePapers/Crypto-Asset-Whitepaper-2019.pdf>
18. First Look: China's Central Bank Digital Currency URL: <https://research.binance.com/analysis/china-cbdc>
19. Frontrunning, Transaction Reordering, and Consensus Instability in Decentralized Exchanges URL: <https://arxiv.org/pdf/1904.05234.pdf>
20. Gartner. Market guide for blockchain consulting and proof-of-concept development services. 2018. <https://gtnr.it/2NB9Pp3>

Инновационная среда как фактор повышения эффективности деятельности реального сектора экономики

Кирова Ирина Владимировна,

к.э.н., в.н.с., Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ)
E-mail: irinakirova@mail.ru

Последствия новой коронавирусной инфекции COVID-19 для национальной инновационной системы России предстоит оценить, но уже сейчас очевидно, что в основе формируемой модели инновационной экономики должны находиться инновации, приносящие длительный положительный эффект для всего общества – эффективные инновации. Однако, как показывает мировой опыт для эффективной инновационной национальной системы необходим ряд условий, в том числе принятие нововведений со стороны большей части общества, развитая инновационная инфраструктура, фискальная и социально-экономическая политика в стране, внешнеполитическая ситуация и другие факторы. В работе показано, что для генерации эффективных инноваций необходимо наличие инновационной среды. В статье рассмотрена сущностная характеристика инновационной среды как фактора эффективных инноваций.

Ключевые слова: инновации, инновационная среда, постиндустриальный мир, инновационный менеджмент.

Термин «инновации» (innovation) имеет латинское происхождение и в буквальном смысле обозначает «в направлении изменения (обновления)». Впервые термин встречается в научных работах, датированных XIX веком, однако широкое распространение он получил благодаря работам Й. Шумпетера в начале XX века.

За более чем вековую историю развития инновационного менеджмента термин «инновации» был имел разное содержание и на сегодняшний день известно более ста определений. В наиболее широкой трактовке инновации рассматривают со следующих позиций:

1. Продукта деятельности (Аврашков Л.Я, Пригожин А.И., Шайтан Б.И., Милославский И., Райзберг Б.А. Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б, Спенсер В.Р., Кулагин А., Логинов В., Уткин Э.А., Морозова Н.И., Морозова Г.И., Шумпетер Й., Кулагин А.С. и др.).
2. Процесса деятельности (Санто Б., Морозов Ю.П., Бездудный Ф.Ф., Смирнова Г.А., Нечаева О.Д., Никсон Ф., Суворова А.Л., Чубайс А.Б., Степаненко Д.М., Твисс Б., Волынкина Н.В. и др.).
3. Результата деятельности (Ю.А. Яковец, Минниханов Р.Н., Алексеев В.В., Файзрахманов Д.И., Сагдиев М.А., Кокурин Д.И., Авсянников Н.М., Завлин П.Н., Дуборкина И.Н., Фатхутдинов Р.А., Румянцева Е.Е. и др.).

Стоит отметить, что высокая турбулентность и динамичность развития мировой экономики начала XXI века, а также смена технологического уклада, потребовала изменения подходов к инновациям. На первый план стали выходить не просто новые продукты или технологии, а те нововведения, которые обеспечивают качественные преобразования всех сфер жизни человека, при этом принося максимальный положительный эффект их производителям. В этой связи целесообразно говорить не просто об инновациях, а об эффективных инновациях. Таким образом, новые реалии хозяйственной жизни требуют пересмотра теоретической парадигмы инновационного менеджмента на основе логико-метафизической концепции.

Логическая концепция эффективных инноваций описывает их структуру, выделяет неотъемлемые качества их существования, в то время как метафизическая рассматривает источник или основание их существования.

С точки зрения логической концепции неотъемлемыми качествами эффективных инноваций являются следующие элементы: продукт деятель-

ности, процесс деятельности и результат деятельности.

Схематически процесс формирования эффективных инноваций можно представить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Схематический подход к образованию эффективных инноваций на основе логической концепции [составлено автором]

Пересечение любых двух составляющих представляет собой инновации в традиционном понимании, а треугольник пересечения всех трех элементов представляет собой эффективные инновации. Таким образом, эффективные инновации имеют тройственную природу:

1. Должны представлять собой некий продукт – новое знание.
2. Вовлечены в процессе деятельности экономической системы – внедрены в деятельность.
3. Приносит положительный результат – социально-экономический эффект.

Обобщая вышесказанное можно предложить следующее авторское определение эффективных инноваций: качественно новое знание (интеллектуальные способности персонала и его профессиональные навыки, современные материалы и технологии, бизнес-процессы, продукция и деловая репутация и т.д), внедренное в деятельность экономических субъектов и приносящее эффект различной степени значимости (наивысшая, средняя и низшая эффективность).

Метафизическая концепция эффективных инноваций предусматривает наличие необходимых условий, норм и факторов их существования. Иными словами, для существования эффективных инноваций необходима определенная среда их функционирования – инновационная среда.

Несмотря на то, что термин «инновационная среда» появился сравнительно недавно (1991 год) [1, с. 2] на сегодняшний момент сформулировано пять основных концепций ее функционирования:

1. Концепция «близости» (Kirat и Lung 1999; Torre и Gilly 2000; Boschma 2005; Torre и Rallett 2005; Menzel 2008) [2, с. 449].
2. Концепция «агломерации» (Kolehmainen) [3, с. 27].
3. Концепция «кластера» (Д.А. Харт) [4, с. 385].
4. Концепция «социальных отношений и сетей» (Jenson J. Ole) [5, с. 7].

5. Концепция китайских исследователей (Lu Xingqi, Zhang Hongle) – [6].

Перечисленные концепции предлагают рассматривать инновационную среду как совокупность участников инновационной системы, взаимодействующих между собой, ограниченных территориальными рамками и преимущественно объединенных одной целью. По мнению автора, имеющиеся концепции рассматривают инновационную среду разрозненно, не формируя комплексного подхода и не давая четкого представления о том, что же является условиями, факторами и нормами разработки и внедрения эффективных инноваций. Учитывая вызовы «поствирусного» мира одной из наиболее важных характеристик инновационной среды должно являться ее способность генерировать качественно новые знания, технологии, продукцию, устойчивые конкурентные преимущества, внедряемые и реализуемые в деятельности экономической системы и приносящие длительный положительный эффект (эффективные инновации). При этом генерирующая инновационная среда должна выстраиваться на всех уровнях общественных отношений, учитывая интересы всех стейкхолдеров, что позволит достичь синергетического эффекта. Таким образом, под инновационной средой поствирусного мира следует понимать целенаправленно-сформированную многоуровневую систему необходимых условий, норм и факторов для осуществления эффективных инноваций в рамках цифровизации экономики, предпосылкой существования которой являются императивы инновационного развития.

На рис. 2. представлена схема инновационной среды поствирусного мира, включающая функционирование четырех уровней общественных отношений (макро-, мезо-, микро- и нано-уровень) в трех направлениях (внешняя воспринимаемая действительность, внешняя реальная действительность и внутренняя действительность), находящейся под влиянием четырех внешних по отношению к ней факторов (наднациональные структуры, мировой уровень технологического развития, исторически сложившиеся условия существования и конъюнктура рынка).

Выделение четырех уровней общественных отношений позволяет выявить факторы, нормы, условия и особенности генерации эффективных инноваций в среде основных стейкхолдеров.

Выделение направлений деятельности позволяет разработать наиболее действенные механизмы (программы) управления на каждом из уровней общественных отношений учитывая субъективные факторы окружающей действительности (внешняя воспринимаемая действительность), объективные факторы реальной действительности (внешняя реальная действительность), а также первичные и вторичные внутренние факторы развития любой экономической системы или индивидуальных экономических агентов (внутренняя действительность).

Наднациональная инновационная среда находится под влиянием четырех внешних факторов (наднациональные структуры, исторические условия хозяйствования, мировой уровень технологического развития и конъюнктура рынка), что оказывает непосредственное влияние на разработку механизмов управления эффективными инновациями.

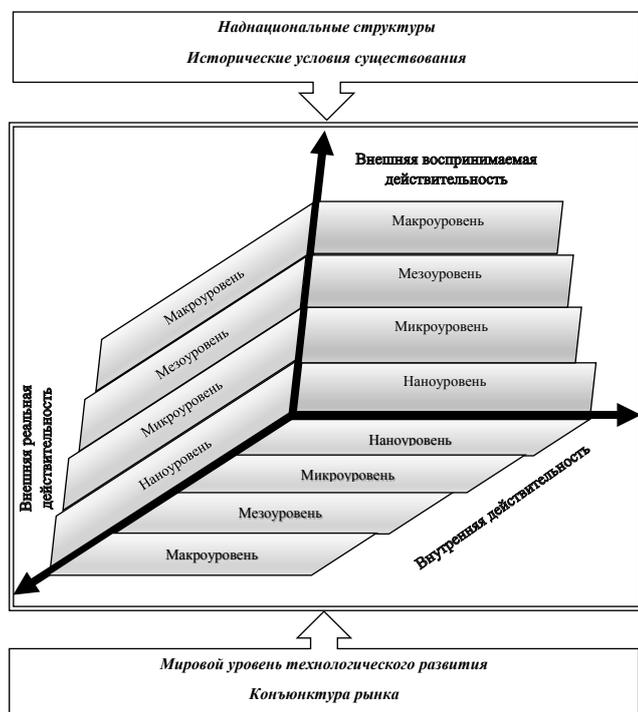

Рис. 2. Схема инновационной среды поствирусного мира [составлено автором]

В целом стоит отметить, что сущностное содержание инновационной среды заключается в ее базисно-системном характере, который позволяет сформировать комплексный подход к её оценке, выявить тенденции развития и предложить механизмы формирования по трем уровням воспринимаемой действительности и четырем уровням общественных отношений. Синергетический эффект данного подхода позволяет предложить наиболее действенные механизмы формирования инновационной среды, нивелируя негативные факторы внешней среды

В завершении хотелось бы отметить, что предложенная концепция позволяет предложить комплексный подход к формированию инновационной экономики, в котором на первый план выходят эффективные инновации на каждом уровне общественных отношений. Оценка деятельности стейкхолдеров по трем направлениям действительности будет способствовать разработке более детальной программы управления экономикой страны с минимальным влиянием субъективных факторов.

Литература

1. Camagni R. Introduction: from the local «milieu» to innovation through cooperation networks //

In: Camagni R. Innovation Networks: spatial perspectives. – London: Bedhaven Press, 1991. – P. 1–9.

2. Чистякова Н.О. Анализ основных теоретических подходов к исследованию инновационной среды региона [Электронный ресурс] / Н.О. Чистякова // Вестник науки Сибири. – 2011- № 1(1). – с. 447–456
3. Kolehmainen J. Territorial agglomeration as a local innovation environment the case of a digital media agglomeration in Tampere, Finland // Massachusetts Institute of Technology, Special working paper series on local innovation systems, 2002. – P. 25–29.
4. Харт Д.А. Инновационные кластеры: основные идеи [Электронный ресурс] / Официальный сайт института региональных инновационных систем – Электрон. дан. – СПб. ... 2011. № 6, с. 384–385.
5. Jenson J. Ole. Networks as a tool for urban sustainable development // Paper for the international conference «Innovation, Sustainability and Policy». – Munich, 23–25 May, 2004. – P. 5–12.
6. Lu Xingqi, Zhang Hongle. The Study of City Technology Innovation Environment Construction in the View of System Management. URL: <http://www.seiofbluemountain.com/upload/product/200910/2008glhy10a12.pdf> (дата обращения: 04.08.2021).

INNOVATION ENVIRONMENT AS A FACTOR IN INCREASING THE EFFICIENCY OF THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY

Kirova I.V.

Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories-All-Russian Research Institute of Agricultural Economics (FGBNU FNC VNIIESH)

The consequences of the new coronavirus infection CoVid-19 for the national innovation system of Russia have to be assessed, but it is already obvious that the basis of the emerging model of an innovative economy should be innovations that bring a long-term positive effect for the whole society – effective innovations. However, as world experience shows, a number of conditions are necessary for an effective national innovation system, including the adoption of innovations by the majority of society, a developed innovation infrastructure, fiscal and socio-economic policies in the country, foreign policy situation and other factors. The paper shows that the generation of effective innovations requires the presence of an innovative environment. The article examines the essential characteristics of the innovation environment as a factor of effective innovation.

Keywords: innovation, innovation environment, post-viral world, innovation management.

References

1. Camagni R. Introduction: from the local «milieu» to innovation through cooperation networks // In: Camagni R. Innovation Networks: spatial perspectives. – London: Bedhaven Press, 1991. – P. 1–9.
2. Chistyakova N.O. Analysis of the main theoretical approaches to the study of the innovative environment of the region [Electronic resource] / N.O. Chistyakova // Bulletin of Science of Siberia. – 2011- № 1(1). – pp. 447–456
3. Kolehmainen J. Territorial agglomeration as a local innovation environment the case of a digital media agglomeration in Tampere, Finland // Massachusetts Institute of Technology, Spe-

- cial working paper series on local innovation systems, 2002. – P. 25–29.
4. Hart D.A. Innovative. clusters: basic ideas [Electronic resource] / Official website. Institute of Regional Innovation Systems-Electron. dan. – St. Petersburg. ... 2011. No. 6, pp. 384–385.
 5. Jenson J. Ole. Networks as a tool for urban sustainable development // Paper for the international conference «Innovation, Sustainability and Policy». – Munich, 23–25 May, 2004. – P. 5–12.
 6. Lu Xingqi, Zhang Hongle. The Study of City Technology Innovation Environment Construction in the View of System Management. URL: <http://www.seiofbluemountain.com/upload/product/200910/2008glhy10a12.pdf> (дата обращения: 04.08.2021).

Формирование лояльности административно-управленческого персонала современного вуза

Максименко Валерия Александровна,

аспирант, кафедра Торгово-промышленной палаты
РФ «Развитие человеческого капитала», Российский
экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: lerika.maksimenko@mail.ru

Данное исследование посвящено проблеме формирования лояльности административно-управленческого персонала современного вуза. Необходимость интеграции системы управления лояльностью административно-управленческого персонала с системой стратегического управления вузом обуславливается современными требованиями, предъявляемыми к модернизации современных вузов. Данная модернизация, в свою очередь, предполагает поиски новых подходов и открытие инновационных методов, к которым, безусловно, можно отнести лояльность персонала.

В отличие от современных российских вузов, бизнес-структуры, в особенности крупные, активно используют результаты управления лояльностью своего персонала в достижении стратегических целей. В силу ряда наличия существенных отличий, например, таких как сроки планирования, целевые аудитории и т.д. не представляется возможным в полной мере перенять опыт коммерческих структур для внедрения его в практику управления персоналом современных вузов, однако является целесообразным его учесть.

Цель настоящего исследования – проанализировать особенности формирования лояльности административно-управленческого персонала современного вуза.

Ключевые слова: административно-управленческий персонал, вуз, лояльность персонала, компоненты лояльности, факторы лояльности.

Введение

Ключевая роль человеческих ресурсов в обеспечении эффективности организации, не только доказана опытом, но и подкрепляется мнением авторитетных исследователей в области управления персоналом.

По мнению автора, представления о том, что в условиях глобальной конкуренции «ставку» на развитие персонала необходимо делать лишь коммерческим структурам являются ошибочными. Персонал всегда выступает важным стратегическим ресурсом организации, не зависимо от цели ее деятельности.

По мнению автора, лояльность персонала – это приверженность работника своему работодателю, которая проявляется в благосклонном к нему отношении.

В самом общем смысле, административно-управленческий персонал – это работники, которые посредством выполнения различных административных функций, осуществляют общее руководство организацией и ее структурными подразделениями.

Для того, чтобы иметь возможность принимать эффективные управленческие решения, тем более, в отношении таких сегментов управления персоналом, как лояльность, текучесть кадров, частота увольнений, необходимо выявить специфику лояльности персонала своего вуза. Шкала оценки удовлетворенности и инструмент ее измерения даст возможность проанализировать, насколько сотрудники удовлетворены работой в данном вузе.

Как известно, лояльность как феномен управления персоналом, имеет компонентные составляющие. По мнению автора, наиболее точный и исчерпывающий вариант таких компонентов представлен в следующем виде: эмоциональная лояльность, вынужденная лояльность, нормативная лояльность.

1. Эмоциональная лояльность синонимична приверженности; данный вид лояльности проявляется в намерении работника действовать ради достижения целей организации, даже при наличии реальной возможности сменить свое прежнее место работы на более привлекательное.

2. Вынужденная лояльность – лояльность, вызванная необходимостью продолжать работу в организации, поскольку у работника отсутствует возможность найти более привлекательное место работы либо нет соответствующих условий для профессионального и карьерного роста.

3. Нормативная лояльность – лояльность, основанная на жизненных принципах сотрудника, который придерживается мнения о том, что работники априори должны быть лояльны организации, ибо частая смена работы может негативно сказаться на восприятии работника другими потенциальными работодателями [3, с.175].

Стоит также отметить, что в тех университетах, где лояльность персонала основывается на ограничениях трудоспособности работников, связанных с поиском нового места работы, при выходе на рынок новых участников, лояльность персонала резко снижается, если она не характеризуется как эмоциональная приверженность.

Для современных вузов крайне важно взрастить в своих сотрудниках эмоциональный тип лояльности, поскольку данный тип лояльности более устойчив. Проявлением данного вида лояльности является мотивации персонала к достижениям стратегических показателей вуза, и готовность эффективно выполнять свою работу даже в тех условиях, когда у вуза возникают трудности.

В тех вузах, где лояльность сотрудников вынужденная, инициативность и самостоятельность в принятии решений не наблюдается [11, с.25].

Как показало исследование, побочным эффектом ограничения навыков руководства активно использовать методы нематериальной мотивации, что заключается в несправедливой оценке труда персонала, критике его действий, а также в не высказывании признания сотрудникам, является вынужденная и нормативная лояльность персонала.

Как было отмечено ранее, лояльность персонала формируется за счет влияния различного рода факторов, однако, например, даже при условии наличия эмоциональной приверженности к организации, работники абсолютно по-разному могут оценить такие ключевые факторы, как:

- 1) стиль руководства;
- 2) условия труда/организация рабочего процесса;
- 3) возможности для развития;
- 4) рабочая нагрузка и т.д.

Располагая информацией об уровне лояльности персонала в разрезе каждого отдельного фактора руководство вуза может управлять данной лояльностью, меняя отношение сотрудников к университету [6, с.18].

В некоторых случаях руководство вуза дает оценку с последующим прогнозом относительно лояльности персонала, основываясь исключительно на показателях текучести кадров, однако, этого недостаточно: необходимо иметь понимание лояльности и факторов, на которых она основывается [1, с.170].

В связи с этим, каждому современному университету, который имеет весомые стратегические планы развития, следует уделять особое внимание вопросам лояльности своего персонала, а именно исследованию формирования и поддержания, т.е. управления лояльностью.

В целях исследования лояльности сотрудников образовательных организаций был проведен

опрос удовлетворенности местом работы, результаты которого позволяют определить следующее:

- 1) лояльность персонала;
- 2) причины того или иного результата в разрезе каждого из факторов лояльности.

Основная часть

К исследованию лояльности персонала организации существует несколько подходов. Одним из методов, который был использован автором для исследования лояльности персонала вузов, является метод, который отличается распространенностью и одновременно простотой в использовании, позволяющий получить максимально корректные данные – подход на основе индекса eNPS (employee Net Promoter Score – это индекс так называемой чистой лояльности сотрудников, позволяющий оценить их удовлетворенность организацией, в которой они осуществляют трудовую деятельность).

В рамках исследования на основе данного показателя сотрудникам необходимо:

- 1) ответить на вопрос готовы ли они рекомендовать организацию, в которой они работают;
- 2) исходя из ответа указать причину, по которой они придерживаются той или иной позиции (в виде оценки удовлетворенности тем или иным фактором).

Таким образом данная методика позволяет обрести понимание реального уровня лояльности сотрудников, а также причин, которые его сформировали.

В исследовании лояльности административно-управленческого персонала вуза (РЭУ им. Г.В. Плеханова) приняли участие 260 человек, среди которых были руководители структурных подразделений, заместители руководителей, главные специалисты, ведущие специалисты и специалисты. Из чего следует, что пол, возраст, стаж работы (как общий, так и включая стаж работы в Университете), а также уровень образования сотрудников, крайне разнообразны (таблица 1).

Автором учтено то обстоятельство, что респонденты, опрошенные в образовательных организациях, по своему составу представляли разнородные группы и, в связи с повышением достоверности полученных результатов, в рамках данных групп, автор выделил подгруппы, которые были сформированы по определенному признаку (стаж работы, уровень образования и т.д.).

Рассмотрим, в первую очередь, результаты исследования, проведенного в отношении подразделений образовательных организаций. Исследование было проведено в 2019–2020 гг. в два этапа в течение первого года работы структурных подразделений.

Второй этап исследования был проведен спустя 6 месяцев после первого этапа. Во втором этапе исследования в качестве респондентов выступили 75 работников, которые имели стаж работы в образовательной организации некоторое время (от нескольких дней до 1 года). Именно они составили ос-

новную выборку, с помощью которой была получена основная часть результатов исследования. Из этого количества работников, которые приняли участие во втором этапе исследования, 16 человек также были опрошены и в ходе первого этапа исследования – эта группа представляет собой лонгиюд.

Среди респондентов, поучаствовавших в исследовании, были, в том числе, представители управленческих должностей. В целях соблюдения анонимности респонденты могли не указывать подразделение, в котором они работают (см. табл. 1).

Для определения надежности результатов, полученных с помощью вопросника для изучения лояльности, применялись следующие методы:

- установление кросскорреляционных связей между вопросами методики;
- деление выборки пополам случайным образом;
- сопоставление результатов, полученных при использовании двух вариантов;
- оценочных шкал при опросе представителей рабочих профессий, работников аппарата управления.

Таблица 1. Структура административно-управленческого персонала, принявшего участие в исследовании

Критерий	Значение	Количество	%
Пол	женщины	148	61,3%
	мужчины	112	38,7%
	<i>итого</i>	<i>260</i>	<i>100%</i>
Возраст	до 30 лет	73	30%
	30–39 лет	82	35,6%
	40–49 лет	74	30,6%
	60 лет и старше	31	0,37%
	<i>итого</i>	<i>260</i>	<i>100%</i>
Уровень должности	руководитель	32	7,5%
	заместитель руководителя	37	10,6%
	главный специалист	48	17,5%
	ведущий специалист	87	41,8%
	специалист	56	22,5%
	<i>итого</i>	<i>260</i>	<i>100%</i>
Уровень образования	бакалавр	47	16,8%
	специалист	101	50,6%
	магистр	55	21,8%
	кандидат наук	32	0,75%
	доктор наук	25	0,31%
	<i>итого</i>	<i>260</i>	<i>100%</i>
Стаж работы в вузе	менее года	42	10,6%
	1–3 года	69	27,5%
	3–5 лет	76	31,8%
	более 5 лет	73	30,1%
	<i>итого</i>	<i>260</i>	<i>100%</i>

В ходе исследования было установлено, что 52% из 260 сотрудников (критики) не готовы рекомендовать Университет в качестве работодателя. В то время, как 48% работников вуза, готовых рекомендовать своего работодателя, представляют собой «промоутеров» и «нейтралов» (29% и 19%, соответственно).

В соответствии с данной методикой, коэффициент лояльности – это разность между промоутерами и критиками. Данный индекс принимает значение от минус 100 до 100 баллов. Согласно результатам исследования, индекс лояльности административно-управленческого персонала составил –27 баллов (таблица 3).

По мнению автора, градацию «промоутеры», «нейтралы» и «критики» представляется целесообразным сопоставить с тремя ранее перечисленными компонентами лояльности: эмоциональной, вынужденной и нормативной.

В том случае, если лояльность работодателю лично работником рассматривается, как эмоциональная, где он выступает в роли промоутера, в ходе реализации исследования работник дает оценку в диапазоне 9–10 баллов. Если работник занимает позицию нейтрала, т.е. его уровень лояльности характеризуется, как вынужденный, оценка, которую он может поставить, равна 7–8 баллов. Следовательно, так называемые критики, чья лояльность нормативная, это те работники, кто оценил свое место работы в 0–6 баллов (см. табл. 2).

Таблица 2. Процентное соотношение уровней лояльности в структуре административно-управленческого персонала

Уровень лояльности	Значение
Промоутеры (эмоциональная лояльность) 9–10 баллов	29%
Нейтралы (вынужденная лояльность) 7–8 баллов	19%
Критики (нормативная лояльность) 0–6 баллов	52%
Коэффициент лояльности работников вузу	- 27

По итогам выявленного процентного соотношения уровней лояльности административно-управленческого персонала автором было установлено, по каким причинам работники придерживаются того или иного мнения. Для этого участникам исследования необходимо было среди представленных факторов указать лишь один, по которым они готовы (либо не готовы) рекомендовать свое место работы (см. табл. 3).

Результаты проведенного исследования подтверждают тот факт, что материальное стимулирование является одним из важнейших факторов управления лояльностью персонала, но отнюдь не определяющим.

В крупных государственных организациях, например, в таких, как университет, проблема нематериальных факторов стимулирования лояльности становится все более актуальной.

Таблица 3. Причины, по которым работники вуза готовы/не готовы рекомендовать свое место работы

	Фактор	Количество респондентов (48% лояльных сотрудников)
Причины, по которым рекомендуют работодателя	Материальное вознаграждение	29
	Престижность университета	11
	Разнообразие и содержание работы	10
	Условия труда	2
	Профессиональный рост	13
	Карьерный рост	10
	Стиль управления руководителя	2
	Фактор	Количество респондентов (52% нелояльных сотрудников)
Причины, по которым не рекомендуют работодателя	Материальное вознаграждение	10
	Престижность университета	5
	Разнообразие и содержание работы	5
	Условия труда	11
	Профессиональный рост	9
	Карьерный рост	12
	Стиль управления руководителя	28

Как показали результаты исследования, основной причиной, по которой сотрудники административно-управленческой категории персонала вуза не готовы рекомендовать своего работодателя, т.е. являются нелояльными – это стиль управления непосредственного руководителя. Однако, необходимость решения данной проблемы становится крайне острой, учитывая тот факт, что сотрудники недовольны своим местом работы по причине нелояльности к непосредственному руководителю, но тем не менее не готовы менять работу. Риски, которые несет данная ситуация, ставят под угрозу результативность работы не только тех самых нелояльных сотрудников, но и результативность работы всего Университета.

Как нам представляется, сфера управления персоналом предполагает реализацию индивидуального личностного подхода к каждому работнику. Из этого следует, что тот или иной сотрудник уникален в проявлении своих личностных и профессиональных качеств не зависимо от уровня образования, должности и т.п. На фоне этого высокая компетенция руководителя проявляется, в том числе, в умении проявить управленческие полномочия в соответствии с психологическим портретом каждого подчиненного сотрудника. Не отсут-

ствия навыков непосредственного руководителя подобрать соответствующий подход к сотруднику влечет за собой развитие нелояльности работников, что, разумеется, в первую очередь, сказывается на эффективности труда.

В связи с этим, по мнению автора, представляется целесообразным предпринять для исправления сложившегося положения вещи определенные управленческие действия, которые будут проявляться в том, чтобы пересмотреть модель компетенций руководителей.

По определению, стиль управления есть ничто иное как совокупность методов воздействия, которые руководитель использует для достижения поставленных целей; определенный способ принятия решений, манера общения с сотрудниками и стиль постановки задач [7, с.49].

Результаты исследования показали, что более половины работников административно-управленческой категории (57%) придерживаются мнения о том, что их руководителей характеризует демократический (коллегиальный) стиль управления. Это говорит о том, что руководители распределяют ответственность и полномочия между собой, заместителями, подчиненными; при принятии управленческих решений интересуются мнением коллектива, отстаивают интересы подчиненных (таблица 4).

Оставшиеся 23% работников, принявших участие в исследовании (т.е. каждый пятый работник) заявили о том, что их руководитель приверженец авторитарного стиля управления, для которого характерными инструментами выступают выговоры, наказания, приказы – руководители такого формата принимают решения исключительно единолично (таблица 4).

В ходе исследования было установлено, что работникам не комфортно работать со своим начальством – большинство респондентов отрицательно характеризуют руководителей, у которых находятся в непосредственном подчинении. По мнению работников, авторитарный стиль управления – пережиток прошлого.

Также, 15% работников отметили, что их руководитель взаимодействует с ними с точки зрения либерального подхода к управлению. Данный стиль руководства предполагает, что подчиненные в праве самостоятельно принимать решения и контролировать трудовой процесс, в котором они учувствуют.

Стоит также подчеркнуть, что положительная оценка руководителя его подчиненными не предполагает так называемой дружбы с начальством: только 34% участников исследования (т.е. каждый 3-й респондент) отметили тот факт, что находятся с руководством в приятельских отношениях.

Как показало исследование, большая часть опрошенных работников, не одобряют данный подход к работе со стороны руководителей – это доказано тем, что 79% являются сторонниками мнения о том, что руководитель должен быть в курсе всех рабочих процессов, происходящих внутри подчи-

ненных ему структур и, соответственно, контролировать их.

Во времена становления рыночного капитализма для большинства руководителей в России был характерен авторитарный стиль управления, проявление которого заключалось в строгом подчинении и наборе штрафных санкций. Результаты данного исследования показали, что новое поколение административно-управленческого персонала в наибольшей степени готово быть расположенным к руководителям-приверженцам демократического стиля [15, с.31].

Работники положительно относятся к своим руководителям, поскольку характеризуют их как компетентных, отзывчивых, решительных.

По мнению сотрудников, большинство руководителей не справедливо оценивают результаты труда, а также не признают достижения; личностные или профессиональные проблемы сотрудников зачастую остаются либо без внимания, либо встречаются лишь формальным восприятием со стороны руководства. Нелояльность персонала к руководителям-авторитаристам также обусловлена тем, что мнение сотрудников при принятии решений не учитывается. Со стороны руководства отсутствует уважение непосредственно к самой личности сотрудника, руководители не применяют соответствующих действий для того, чтобы урегулировать потенциальные и реальные конфликты. Управленческий имидж руководителя вызывает у сотрудников личную антипатию.

Вместе с тем, несмотря на невысокий уровень лояльности административно-управленческого персонала вуза, большинство респондентов из данной категории (77%) не планируют смену места работы в ближайшие шесть месяцев.

Негативный результат работы нелояльного сотрудника всегда более ощутим, чем польза, которую он приносит сквозь призму нежелания работать, работать в силу необходимости.

Следует отметить, что между таким персональным фактором, как пол и выявленным уровнем лояльности сотрудников прослеживается взаимосвязь – сотрудники женского пола в данном случае характеризуются большей лояльностью, чем сотрудники-мужчины. По мнению автора, это можно объяснить спецификой женской психологии. Однако, пол не обуславливает лояльность, а лишь является предпосылкой для нее. Женщины отличаются большей восприимчивостью к влиянию тех или иных факторов лояльности. Следовательно, в той организации, как, например, в данном случае, среда для формирования лояльности благоприятная, сотрудники женского пола будут расположены лояльно, а при отсутствии такой среды, процент нелояльных женщин, очевидно, будет превышать процент нелояльных мужчин [9, с.91].

Кроме взаимосвязи с уровнем лояльности такого личностного фактора, как пол, автор также установил взаимосвязь с возрастом сотрудников – чем старше сотрудник, тем выше его уровень лояльности. Однако у данной взаимосвязи

есть свое объяснение, которое состоит в том, что, не смотря на большой стаж работы, у возрастных работников меньше возможностей сменить работу, чем у представителей более молодого поколения персонала [12, с.59].

Также, в ходе данного исследования было установлено, что на уровень лояльности персонала также влияет должность, которую занимает сотрудник, т.е. высокая должность способствует росту лояльности сотрудника. Данное положение вещей имеет свое объяснение, как в случае с возрастом сотрудников. Повышение в должности предполагает рост оплаты труда, личной значимости, признания руководителя и авторитета среди коллег, что, безусловно, влияет на лояльность работодателя. Однако, по мнению автора, сотрудники руководящих должностей, занимая в свое время более низкую карьерную позицию, вероятнее всего, уже на тот момент характеризовались высоким уровнем лояльности, ведь руководителями организации предпочтительнее назначать своих сотрудников, знающих свое дело и понимающих специфику работы организации, а такие сотрудники редко бывают нелояльны [2, с.27].

Кроме этого, автором также была установлена взаимосвязь между лояльностью сотрудников и их уровнем образования. Однако, данная взаимосвязь также неоднозначна. Чем выше образование, тем ниже становится уровень лояльности. Это связано с тем, что возрастание востребованности сотрудника на рынке труда постепенно возвращает в нем готовность сменить работодателя. Но в то же время, высокий уровень общих знаний сотрудника предполагает высокую оплату труда, что, в свою очередь, формирует и поддерживает высокий уровень лояльности.

Необходимо также взять во внимание взаимосвязь лояльности с такими факторами, как стаж работы в Университете. Когда сотрудник только поступает на работу, его лояльность низка, что, разумеется, связано с адаптацией. По мере адаптации лояльность увеличивается, об этом говорит тот факт, что сотрудник, проработавший в организации от 10 лет, отличается высокой лояльностью [13, с.54].

Представленные результаты данного исследования предназначены, прежде всего, для обозначения важности своевременного выявления и предупреждения факторов, которые формируют отрицательную лояльность административно-управленческого персонала современных вузов.

Результаты исследования еще раз подтверждают ошибочность мнения о первоочередном и исчерпывающем значении материальных факторов формирования лояльности персонала. Отсутствие должного внимания руководства вуза к таким нематериальным факторам лояльности, как, например, стиль управления непосредственного руководителя, может создать угрозу для эффективности деятельности организации. В то же время, в государственных организациях, таких, как Университет, возможности материального стимулирования

персонала ограничены, что обуславливает необходимость поддержания приемлемого уровня лояльности с использованием нематериальных факторов.

Заключение

Анализируя данные, полученные в результате исследования реального уровня лояльности административно-управленческого персонала современных вузов, автор вносит предложения и рекомендации по стратегическому управлению лояльностью, т.е. управлению на уровне организации.

По мнению автора, эффективность внедрения программ по повышению лояльности персонала отражается на эффективности как оперативного, так и стратегического управления вузом. Из этого следует, что при разработке стратегии вуза необходимо задействовать те аспекты, которые определяют лояльность персонала. Автор считает, что данные аспекты ограничены на любом из этапов стратегического управления вузом. В частности, на этапе формирования миссии и стратегии вуза необходимо воспользоваться таким механизмом, как стандартизация взаимоотношений. Данный вид механизма в настоящее время получил широкое распространение. Разновидности норм в рамках данной стандартизации должны быть отражены в миссии и стратегических документах вуза. Формулировка миссии вуза должна осуществляться с учетом реального положения университета, как во внутреннем, так и во внешнем аспекте. Процесс формирования миссии вуза должен проходить сквозь призму децентрализации и скоординированности.

Разрабатывая миссию вуза необходимо ставить ряд вопросов перед административно-управленческим персоналом, ответы на которые дадут возможность более ответственно подойти к формулировке миссии. Среди списка данных вопросов, по мнению автора, основными могут быть: 1. Для чего и по каким причинам существует наш вуз? 2. Какие ответные потребности удовлетворяет университет, в котором мы работаем? 3. В чем состоит уникальность нашего вуза? 4. Можем ли мы отождествлять себя с принятыми в вузе подходами в работе?

Определяя миссию, необходимо также учитывать и философию вуза, т.е. его важнейшие ценности и этические принципы. Сформированная университетом миссия позволяет сотрудникам ориентировать свои действия в одном направлении, отождествлять себя с университетом. Кроме этого, миссия формирует общий морально-психологический климат во всем вузе.

По мнению автора, целесообразно проводить исследование среди сотрудников на предмет правильности формулировки миссии. Наиболее оптимальным методом, в данном случае, является опрос. Автор предполагает, что среди вопросов в рамках данного опроса обязательно должен присутствовать вопрос: «Помогает ли сформированная

миссия соответствующим образом сформулировать личные цели сотрудников?». Сформулированная миссия должна в подробном виде найти свое отражение в соответствующем официальном документе вуза. Миссия является базой для определения стратегических целей вуза. В рамках университета цели могут быть конфликтны, поскольку у разных групп корпоративных отношений различные интересы. Из этого следует, что необходимо учитывать интересы основных групп и удовлетворять тот вариант целей, который в наибольшей степени синхронизируется с миссией. Автор придерживается мнения относительно схемы формулировки стратегических целей.

По мнению автора, в рамках целеполагания, наряду с лидерством на рынке должны быть такие показатели, как взаимоотношения между работниками, лояльность персонала. Данные показатели могут отражать степень достижения целей и уровней развития вуза. Автор предполагает, что нельзя допустить присутствие антагонизма между целями вуза и целями сотрудников. Также необходимо проведение стратегического анализа внутренней среды вуза. В контексте формирования лояльности персонала, в первую очередь, необходимо обратить внимание на персонал и корпоративную культуру. Корпоративную культуру необходимо исследовать сквозь ее ключевые показатели и характеристики. Ценности – это ядро корпоративной культуры. Корпоративная культура любого университета обладает как сильными, так и слабыми сторонами. В целях минимизации слабых сторон необходимо недрить комплекс соответствующих мероприятий.

Исследуя корпоративную культуру, необходимо рассматривать такие факторы, как: кадровая политика, текучесть кадров, опыт и квалификация сотрудников, морально-психологический климат в коллективе, стиль руководства. На этапе стратегического выбора осуществляется выбор наиболее предпочтительного варианта стратегии. При этом важно, оценивая стратегию, проверять ее на основе анализа влияния слабых сторон вуза, которые относятся к обеспечению организационной лояльности. Этап реализации стратегии характеризуется новыми условиями хозяйствования вуза. Стиль внедрения изменений зависит от действующего уровня лояльности персонала.

Автор предполагает, что чем выше уровень лояльности персонала, тем меньше сопротивление персонала изменениям. Кроме этого, для эффективной реализации организационных изменений, следует внедрить программу организационно-культурных перемен, которая будет включать в себя ряд кадровых мероприятий.

Автор подчеркивает, что фактор организационной лояльности играет ключевую роль на этапе реализации стратегии вуза. Оценить внедренную стратегию представляется возможным путем сопоставления результатов работы с поставленными целями. Также оценить стратегию можно посредством качественных и количественных пока-

зателей (например, уровень удовлетворенности сотрудников или уровень производительности труда). Сотрудники вуза обеспечивают его успех в условиях конкуренции. Из этого следует, что определяется значениями выбранных показателей эффективности управления персоналом. Автором предложен алгоритм, который определяет содержание и последовательность действий по стратегическому управлению лояльностью персонала.

Управление лояльностью персонала в стратегическом контексте основывается на том, что долгосрочное преимущество вуза на рынке достигается за счет эффективного использования человеческих ресурсов.

Литература

1. Аликин И.А., Крамаренко И.А., Лукьянченко И.В. Мотивационные факторы организационной лояльности менеджеров [Текст] / И.А. Аликин, И.А. Крамаренко, И.В. Лукьянченко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. – № 4 (38). – С. 169–172;
2. Башук Е.Н., Орлов А.В. Особенности проявления трудовой мотивации в различных профессиональных группах [Текст] / Е.Н. Башук, А.В. Орлов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 4 (36). – С. 25–36;
3. Берлизова Я.В. Интегральная модель организационной лояльности персонала [Текст] / Я.В. Берлизова // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – С. 174–178;
4. Буреева Н.Н., Козлова М.С., Петрова И.Э., Тухватуллина М.А. Трудовая мотивация и удовлетворенность трудом работников вуза (по материалам социологического исследования) [Текст] / Н.Н. Буреева, М.С. Козлова, И.Э. Петрова, М.А. Тухватуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2017. – № 3 (47). – С. 79–87;
5. Громова Н.В. Развитие персонала – приоритетное направление повышения конкурентоспособности российских вузов [Текст] / Н.В. Громова // Современная конкуренция. – 2014. – № 2 (44). – С. 96–103;
6. Зезюлин В.И., Суханова М.В. Факторы формирования лояльности персонала к бренду вуза [Текст] / В.И. Зезюлин, М.В. Суханова // Практический маркетинг. – 2020. – № 2 (279). – С. 10–18;
7. Ильинский С.В. Психологические факторы лояльности сотрудников организации [Текст] / С.В. Ильинский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2017. – № 2 (22). – С. 42–57;
8. Ильинский С.В. Социально-психологические факторы лояльности работников к организации [Текст] / С.В. Ильинский // Вестник Самар-

ской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2014. – № 2 (16). – С. 69–81;

9. Калашников А.И. Организационная лояльность педагогов в условиях виртуальной образовательной среды [Текст] / А.И. Калашников // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 4. – С. 84–92;
10. Лебедева О.В. Методика комплексного исследования удовлетворенности персонала вуза [Текст] / О.В. Лебедева // Известия ИГЭА. – 2017. – № 4 (54). – С. 102–104;
11. Молодчик М.А., Молодчик Н.А. Организационно-мотивационные механизмы создания приверженности персонала [Текст] / М.А. Молодчик, Н.А. Молодчик // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2015. – № 25 (8). С. 14–34;
12. Мухачёва А.В. Различия в мотивационных профилях руководящих и рядовых сотрудников [Текст] / А.В. Мухачёва // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 58–63;
13. Мялкина Е.В., Житкова В.А. Система комплексной оценки административно-управленческого персонала в вузе: практика и особенности [Текст] / Е.В. Мялкина, В.А. Житкова // Вестник Мининского университета. – 2018 – Т. 6. № 29 – С. 49–58;
14. Новоселов К.Д., Вишневская Н.Э. Исследование лояльности к организации у сотрудников Иркутского авиационного завода (филиала ОАО «Корпорация «Иркут»») [Текст] / К.Д. Новоселов, Н.Э. Вишневская // Психология в экономике и управлении. – 2013. – № 2. – С. 94–97;
15. Трофимова Е.Л., Бондаренко В.Ю. Проблема приверженности персонала к организации в отечественной и зарубежной литературе [Текст] / Е.Л. Трофимова, В.Ю. Бондаренко // Психология в экономике и управлении. – 2013. – № 31. – С. 28–36.

FORMATION OF LOYALTY OF ADMINISTRATIVE AND MANAGEMENT STAFF OF A MODERN UNIVERSITY

Maximenko V.A.

Plekhanov Russian University of Economics

This study is devoted to the problem of forming the loyalty of the administrative and managerial personnel of a modern university. The need to integrate the loyalty management system of administrative and managerial personnel with the strategic management system of the university is determined by modern requirements for the modernization of modern universities. This modernization, in turn, involves the search for new approaches and the discovery of innovative methods, which, of course, include staff loyalty.

Unlike modern Russian universities, business structures, especially large ones, actively use the results of managing the loyalty of their personnel in achieving strategic goals. Due to a number of significant differences, for example, such as planning timeframes, target audiences, etc. it is not possible to fully adopt the experience of commercial structures to introduce it into the practice of personnel management in modern universities, but it is advisable to take it into account.

The purpose of this study is to analyze the features of the formation of loyalty of the administrative and managerial personnel of a modern university.

Keywords: administrative and managerial personnel, university, personnel loyalty, loyalty components, loyalty factors.

References

1. Alinkin I.A. (2016) [Motivational factors of managerial organizational loyalty] Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. (38). 169–172 (in Russian).
2. Bashuk E.N., Orlov A.V. (2014) [Features of the manifestation of labor motivation in various professional groups] Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. (36). 25–36 (in Russian).
3. Berlizeva Ya.V. (2013) [Integral model of organizational loyalty of personnel] Bulletin of the KemSU. (56). 174–178 (in Russian).
4. Bureeva N.N., Kozlova M.S., Petrova I.E., Tukhvatullina M.A. (2017) [Labor motivation and job satisfaction of university workers (based on sociological research)] Bulletin of the N.N. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. (47). 79–87 (in Russian).
5. Gromova N.V. (2014) [Personnel development is a priority direction of increasing the competitiveness of Russian universities] Modern competition. (44). 96–103 (in Russian).
6. Zezyulin V.I., Sukhanova M.V. (2020) [Factors of formation of staff loyalty to the brand of the university] Practical Marketing. (279). 10–18 (in Russian).
7. Ilyinsky S.V. (2017) [Psychological factors of loyalty of employees of the organization] Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Psychology. (22). 42–57 (in Russian).
8. Kalashnikov A.I. (2013) [Organizational loyalty of teachers in a virtual educational environment] Pedagogical education in Russia. (4). 84–92 (in Russian).
9. Lebedeva O.V. (2017) [Methodology for a comprehensive study of the staff satisfaction of the university] Izvestia IGEA. (54). 102–104 (in Russian).
10. Molodchik M.A., Molodchik N.A. (2015) [Organizational and motivational mechanisms for creating personnel commitment] Management of economic systems: electronic scientific journal. (8). 14–34 (in Russian).
11. Mukhacheva A.V. (2017) [Differences in the motivational profiles of managers and ordinary employees] Bulletin of the KemSU. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. (2). 58–63 (in Russian).
12. Novoselov K.D., Vishnevskaya N.E. (2013) [Study of loyalty to organization among employees of the Irkutsk Aviation Plant (a branch of OJSC Irkut Corporation)] Psychology in Economics and Management. (2). 94–97 (in Russian).
13. Trofimova E.L., Bondarenko V. Yu. (2013) [The problem of personnel commitment to organization in domestic and foreign literature] Psychology in Economics and Management. – (31). 28–36 (in Russian).

Специфика финансирования российских стартапов в инновационной сфере

Мирзоев Эмин Фахраддин оглы,

аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

E-mail: emin.mirzo-ev@mail.ru

Одним из наиболее важным аспектом деятельности стартапов на всех стадиях функционирования является их финансирование. Изучение мирового опыта и систематизация видов и форм финансирования являются актуальными направлениями исследований, поскольку позволяет сформировать единую концепцию поддержки стартапов на всех стадиях функционирования и создавать эффективные экосистемы стартапов.

Целью исследования является выявление специфики финансирования стартапов в инновационной сфере на основе обобщения мирового опыта использования различных форм финансирования стартапов.

Задачами исследования являются изучение и обобщение форм и видов финансирования стартапов и выявление специфики финансирования стартапов в инновационной сфере на современном этапе.

Результатом исследования является выявленная специфика применения форм финансирования российских стартапов с целью определения причин высокого процента неудачных стартапов.

Авторы делают выводы, что одной из главных особенностей российской стартап-экономики является недостаточно широкое применение специфических форм финансирования высокорисковых инновационных проектов, которыми, по сути, и являются стартапы.

Ключевые слова: инвестиции, инновации, стартап, инновационное развитие стартапов, финансирование стартапов.

Мировой опыт финансирования стартапов за последние двадцать лет претерпел значительную трансформацию. При этом в глобальном пространстве наблюдается разный опыт обеспечения стартапов финансовыми средствами. Рассмотрение, обобщение и систематизации опыта финансирования стартапов в разных странах позволяет создавать эффективные стартап-экосистемы, на основе анализа, как позитивного, так и негативного опыта. На всем протяжении истории развития стартап-экономики она тесно связана с инновационным развитием и инновационной инфраструктурой, поэтому в качестве внешней среды для стартапов целесообразно рассматривать инновационную сферу и анализировать общие инновационные факторы, которые влияют на возможность привлечения финансирования.

Целью исследования является выявление специфики финансирования стартапов в инновационной сфере на основе обобщения мирового опыта использования различных форм финансирования стартапов.

В качестве методов исследования были использованы компаративный анализ тематических источников, синтез и анализ фактов, представленных в научной периодической печати, а также статистический анализ данных.

Анализ форм финансирования показал, что на данный момент наиболее используемыми являются те, которые представлены на рис. 1 [1].

Как показывает практика, привлечение собственного капитала для финансирования стартапа, представляет собой способ, который характеризуется минимальными рисками. Это обуславливается тем, что в процессе применения этой формы финансирования не возникает дополнительных долгов для организаторов стартапа. Именно это является главной положительной стороной этой формы финансирования. Однако, отрицательной стороной выступает значительное ограничение стартапа в необходимых ресурсах, что делает данную форму финансирования невозможной для применения в большинстве инновационных проектов. Изучение российской истории развития стартапов показывает, что большинство российских стартапов используют именно эту форму финансирования [3]. По нашему мнению, именно по этой причине на сегодняшний день в России отсутствуют стартапы-единороги.

В зарубежных странах, особенно в США и ряде других западных стран, достаточно сильно распространена форма финансирования, получившая название – 3F. Она заключается в том, что финансированием стартапа занимаются члены семьи организаторов, а также друзья, знакомые

и сами участники стартапа. Особенностью данной формы является то, что она применяется на начальной (посевной) стадии. При этом предполагается, что при успешном развитии стартапа далее будут использоваться другие формы. Положительной стороной данной формы финанси-

рования, что несмотря на то, что долговые обязательства при этой форме финансирования есть, они не такие жесткие, как при займе у банков. Однако, данную форму невозможно применять на следующих стадиях, т.е. она является промежуточной [4].

Рис. 1. Формы финансирования стартапов

В развитых странах широко используется такая форма финансирования инновационной деятельности в целом и стартапов в частности, как государственная, которая проявляется в виде грантов или субсидий, распределяемых на конкурсной основе [9]. Эта форма имеет значительную положительную сторону – финансовую безопасность участников. Однако, она не лишена и недостатков, а именно: высокая степень сложности получения гранта и существенные ограничения финансирования.

В развитых странах, с большим количеством успешных стартапов, в том числе достигшем позиции «единорог», таких как США, Китай, Великобритания, Индия, Германия, Израиль очень развита такая форма финансирования как бизнес-ангелы [10, с. 3]. Бизнес-ангелы – это «частные инвесторы, которые финансируют стартап на условиях возврата средств и получении доли в бизнесе» [3]. В российской практике такая форма практически не представлена на конец 2020 года она составляет всего 1% от всего объема финансирования стартапов [6]. Причиной этого является высокая доля (почти 95%) неудачных стартапов, поэтому вклад в расчёте на долю в будущем бизнесе влечет за собой высокий риск. Однако, по нашему мнению, именно неразвитость института профессиональных инвесторов, которыми являются бизнес-ангелы, является причиной такого высокого процента неуспешных стартапов, которым просто не хватает финансирования на более поздних этапах развития.

Одним из наиболее развитых форм финансирования стартапов на глобальном рынке является применение инструментов венчурного рынка, а именно: акселераторов и инкубаторов [1]. Особенностью данной формы является то, что бизнес-инкубатор (или акселератор) становится совладельцем будущего бизнеса стартапа. Финансирование происходит также специфическим методом, не прямыми финансовыми вложениями, а оказанием владельцу идеи стартапа услуги по «выращив-

анию» успешного (регулярного) бизнеса из данной инновационной идеи. Существуют два ограничения на применение данной формы: 1) опасение владельцев идеи, что стартап будет в основном принадлежать бизнес-инкубатору; 2) высокие требования к инновационной идее со стороны инкубатора (акселератора).

В ряде стран, такие как Франция, Бразилия, Корея популярным средством финансирования стартапов является привлечение заемных средств кредитных учреждений [10, с. 4]. Несмотря на то, что данный способ связан с высоким риском и угрозой банкротства, он достаточно широко используется в мировой стартап-экономике, поскольку при успешной реализации инновационной идеи бизнес остается в руках организаторов стартапа. Необходимо отметить, что в российской практике финансирования стартапов он почти не применяется (в 2019 году –1%, в 2020 году – менее 1%) [7]. Причиной этого является невыгодные условия кредитования.

Еще одним специфическим способом финансирования стартапов распространённым в мировой инновационной сфере, особенно в США и ряде европейских стран, являются венчурные фонды [11], [12]. Эти организации специально создаются для поддержки инновационных проектов с высокой степенью риска [4]. Данная форма финансирования предполагает, что венчурный фонд финансирует все стадии развития стартапа, что является значительным преимуществом данной формы финансирования. Однако, здесь есть существенная отрицательная сторона, которая часто влияет на отказ от данной формы финансирования со стороны владельца инновационной идеи, а именно: возможность венчурного фонда изменять бизнес-идею по своему усмотрению, поскольку деньги выделяются именно на таких условиях.

Одним из сравнительно новых форм финансирования стартапов является «крауд-финансирование», реализуемое при помощи интернет-площадок, на которых размещается ин-

формация о стартапе [8, с.20]. При такой форме финансирования стартап привлекает большое количество микроинвесторов, на условиях получения ими в случае успешности проекта некоторого финансового или нефинансового вознаграждения. Данный метод пока мало используется

именно в инновационной сфере, поскольку имеет множество отрицательных сторон, которые пока не имеют компенсации [8, с.21]. На основе всего вышесказанного можно сгруппировать все формы финансирования стартапов так, как показано на рис. 2.

Рис. 2. Формы финансирования стартапов (сгруппированные)

На рис. 3 продемонстрирована структура форм финансирования, применяемых в России в 2020 году [2].

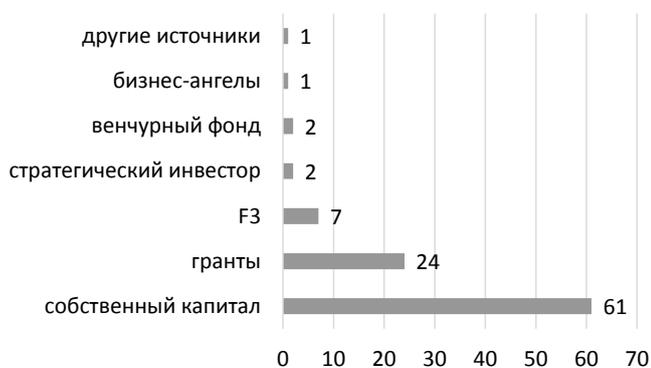

Рис. 3. Структура форм финансирования современных российских стартапов в 2020 году

Для сравнения приведем структуру форм финансирования стартапов в 2019 году (рис. 4) [2].

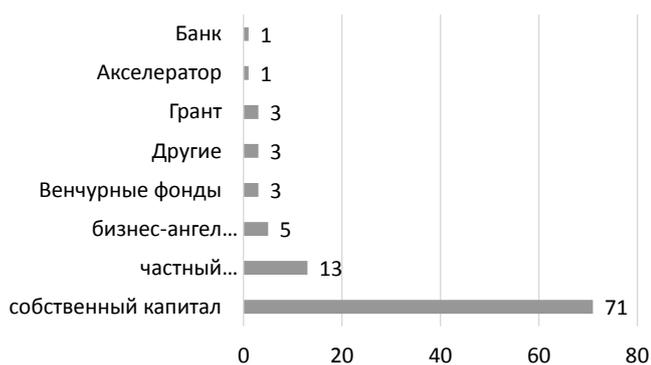

Рис. 4. Структура использования источников финансирования в России в 2019 году

Сравнение данных, указанных на рисунках 2 и 3 показывает, что доля собственного капитала уменьшилась на 10%, это очень существенный структурный сдвиг, свидетельствующий о том, что в России стали развиваться другие формы финансирования, более характерные для мировой инновационной инфраструктуры.

При этом собственные средства сохраняют за собой наибольшую долю в общем объеме финансирования, что демонстрирует о недостаточ-

ной степени развитости российской инновационной инфраструктуры. Главной причиной этого выступает то, что в России не разработан адаптированный для национальной экономики механизм коммерциализации инновационных идей. Анализ структурных сдвигов показывает, что в 2020 году в отличие от предыдущего вторую позицию занимает гранты и субсидии государства. Это говорит, о повышении интереса государства в инновационных разработках. Это положительная тенденция, поскольку анализ мирового опыта показывает, что успешнее всего стартапы развиваются в странах с достаточной высокой долей государственной поддержки инновационной сферы. Наибольшему изменению подверглись прямые частные инвестиции, если в 2019 году они составляли 13%, то в 2020 году всего 2%, т.е. произошло снижение финансирования стартапов на 11 п.п. Причиной этого является экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса. Из-за нестабильности экономики и спада экономического развития частные инвесторы ограничили вклад в новые активы и сконцентрировались на поддержании уже имеющегося портфеля.

Что касается специфических форм финансирования, т.е. бизнес-ангелов и венчурных фондов, то здесь также наблюдается снижение их долей на 4 п.п. и на 1 п.п. соответственно. Как уже говорилось ранее в России кредиты банков почти не используются для развития стартапов из-за невыгодных условий. Соответственно, экономический кризис снизил использование данной формы до нуля. Акселераторы также в 2020 году не проводили финансирования стартапов [5, с.320].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. На сегодняшний день в российской практике финансирования стартапов нет достаточно эффективных механизмов поддержания стартапов на всех стадиях развития. Экономический кризис 2019 года послужил причиной структурных сдвигов, заметно изменивших структуру финансирования стартапов, увеличив долю государственной поддержки и F3 и снизив участие всех остальных форм. Кроме того, на протяжении последнего де-

сятилетия инновационная инфраструктура, являющаяся основой взаимодействия стартапов и инвесторов развивалась недостаточно эффективно. В России практически отсутствует положительный опыт применяя таких форм как бизнес-ангелы и венчурные фонды, которые являются основой стартап-экономике в глобальном мире. Следовательно, для повышения процента успешных стартапов в инновационной сфере необходимо сделать акцент на адаптацию успешного мирового опыта формирования стартап-экономики.

Литература

1. Вартанова, Л.А. Источники финансирования малых инновационных компаний (стартапов) / Л.А. Вартанова // Глобальные рынки и финансовый инжиниринг. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-malyh-innovatsionnyh-kompaniy-startapov> (дата обращения: 26.08.2021).
2. Венчурная Россия. Итоги 2020 года. [Электронный ресурс] // DSIGHT – Режим доступа: https://media.rbcdn.ru/report_Venture_Russoa_FY2020_RUS.pdf (дата обращения: 26.08.2021).
3. Гулиев, А.Ю. Жизненный цикл стартапов, финансовые аспекты / Гулиев, А. Ю. // Финансовые рынки и банки. – 2020. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyy-tsikl-startapov-finansovye-aspekty> (дата обращения: 26.08.2021).
4. Евдокимова, С.С. Современные модели финансирования стартапов / С.С. Евдокимова, М.С. Кобышев // Финансы и кредит. – 2017. – № 6 (726). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-finansirovaniya-startapov> (дата обращения: 26.08.2021).
5. Индикаторы инновационной деятельности: 2020: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 432 с.
6. Корнейчук В. И. О практике финансирования стартапов в условиях пандемии [Электронный ресурс] / В.И. Корнейчук // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2021. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-finansirovaniya-startapov-v-usloviyah-pandemii> (дата обращения: 27.08.2021).
7. Рынок венчурных инвестиций ранней стадии: ключевые тренды // Официальный сайт Российской венчурной компании. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.rusventure.ru/program/analytics/docs/201302_vciom.pdf (дата обращения: 26.08.2021)
8. Стародубцева, Е.Б. Краудфандинг как современная форма финансирования / Е.Б. Стародубцева, М.Б. Медведева // Финансы и кредит. – 2021. – № 1(805). – С. 22–40.
9. Траченко, М.Б. Специфика структуры финансирования стартапов на разных стадиях жиз-

ненного цикла / М.Б. Траченко, А.В. Кожанова // Финансовый журнал. – 2019. – № 5 (51). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-struktury-finansirovaniya-startapov-na-raznyh-stadiyah-zhiznennogo-tsikla> (дата обращения: 26.08.2021).

10. Fisch, C. Initial coin offerings (ICOs) to finance new ventures / C. Fisch // Journal of Business Venturing. – 2019. – № 34. – P. 1–22.
11. Global startup report 2020 [Электронный ресурс] // Startup Genome. – Режим доступа: <https://startupgenome.com/reports/gser2020> (дата обращения: 26.08.2021).
12. Horizon 2020 [Электронный ресурс] // European Comission. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/official-documents> (дата обращения: 26.08.2021).

SPECIFICITY OF FINANCING OF RUSSIAN STARTUPS INNOVATIVE

Mirzoev E.F.
State University of Management

Funding is one of the most important aspects of startups at all stages of operation. The study of world experience and the systematization of types and forms of financing are relevant areas of research, since it allows you to form a unified concept of support for startups at all stages of operation and create effective ecosystems of startups. The aim of the study is to identify the specifics of financing startups in the innovation sphere based on generalizing the peaceful experience of using various forms of financing for startups.

The objectives of the study are to study and generalize the forms and types of financing for startups and to identify the specifics of financing startups in the innovation sphere at the present stage.

The result of the study is the revealed specificity of the application of forms of financing for Russian startups in order to determine the reasons for the high percentage of unsuccessful startups.

The authors conclude that one of the main features of the Russian startup economy is the insufficiently widespread use of specific forms of financing high-risk innovative projects, which, in fact, are startups.

Keywords: investment, innovation, start-up, innovative development of start-ups, financing of start-ups.

Reference

1. Vartanova, L.A. Sources of financing for small innovative companies (startups) / L.A. Vartanova // Global markets and financial engineering. – 2017. – No. 2. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-finansirovaniya-malyh-innovatsionnyh-kompaniy-startapov> (date of access: 26.08.2021).
2. Venture Russia. Results of 2020. [Electronic resource] // DSIGHT – Access mode: https://media.rbcdn.ru/report_Venture_Russoa_FY2020_RUS.pdf (date accessed: 26.08.2021).
3. Guliev, A. Yu. Life cycle of startups, financial aspects / Guliev, A. Yu. // Financial markets and banks. – 2020. – No. 1. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennyy-tsikl-startapov-finansovye-aspekty> (date of access: 26.08.2021).
4. Evdokimova, S.S. Modern models of financing startups / S.S. Evdokimova, M.S. Kobyshev // Finance and Credit. – 2017. – No. 6 (726). – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-modeli-finansirovaniya-startapov> (date of access: 26.08.2021).
5. Indicators of innovation: 2020: statistical collection / L.M. Gokhberg, K.A. Ditkovsky, E.I. Evnevich and others; Nat. issled. University Higher School of Economics. – M.: NRU HSE, 2020. – 432 p.
6. Korneichuk V.I. On the practice of financing startups in a pandemic [Electronic resource] / V.I. Korneichuk // New impulses for development: research issues. – 2021. – No. 3. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-finansirovaniya-startapov-v-usloviyah-pandemii> (date of access: 27.08.2021).

7. The early stage venture capital market: key trends // Official site of the Russian Venture Company. [Electronic resource] Access mode: http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201302_vciom.pdf (date accessed: 26.08.2021)
8. Starodubtseva, E.B. Crowdfunding as a modern form of financing / E.B. Starodubtseva, M.B. Medvedeva // Finance and Credit. – 2021. – No. 1 (805). – S. 22–40.
9. Trachenko, M.B. Specificity of the structure of financing startups at different stages of the life cycle / M.B. Trachenko, A.V. Kozhanova // Financial Journal. – 2019. – No. 5 (51). – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-struktury-finansirovaniya-startapov-na-raznyh-stadiyah-zhiznennogo-tsikla> (date of access: 26.08.2021).
10. Fisch, C. Initial coin offerings (ICOs) to finance new ventures / C. Fisch // Journal of Business Venturing. – 2019. – No. 34. – P. 1–22.
11. Global startup report 2020 [Electronic resource] // Startup Genome. – Access mode: <https://startupgenome.com/reports/gser2020> (date accessed: 26.08.2021).
12. Horizon 2020 [Electronic resource] // European Comission. – Access mode: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/official-documents> (date of access: 26.08.2021).

Нюренбергер Лариса Борисовна,

д-р. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Бизнес в сфере услуг», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ)»
E-mail: l.b.nyurenberger@nsuem.ru

Рогалева Надежда Леонидовна,

канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, технология и таможенное дело», Российский университет кооперации (Камчатский филиал),
E-mail: nadya.6425@mail.ru

Петренко Никита Евгеньевич,

аспирант кафедры «Бизнеса в сфере услуг», ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления (НИНХ)»
E-mail: nepetrenko@ro.ru

Одним из относительно новых и динамично развивающихся видов туризма, сегодня является деловой туризм, который за последнее десятилетие показал прирост объема турпотока более чем на 10%. В структуре глобального делового туризма лидирующие позиции занимают индивидуальные туры, посещение выставки, конференции, и конгресс-мероприятия. Конгрессно-выставочный туризм является наиболее подвижным сегментом рынка делового туризма. Цель исследования сосредоточена в области обобщения и систематизации подходов к содержанию понятийного аппарата делового туризма, выявления специфики организации бизнес-туров в России и за рубежом, в обосновании его роли и перспектив развития в регионах России.

Объектом исследования является современная сфера делового туризма которая тонизирует активность целого ряда смежных отраслей, обеспечивает рост региональной и национальной экономик, формирует межгосударственное политическое взаимодействие. В процессе исследования применялись методы общенаучного и специального характера обобщения, анализа, диалектического подхода. В рамках полученных результатов сделаны системные обобщения, содержательно раскрыты основные понятия и категории, определены особенности и выявлена специфика развития делового туризма в России и за рубежом.

Ключевые слова: деловой туризм, MICE, корпоративные мероприятия, конгрессно-выставочный туризм, деловой туризм.

Введение. В Российской Федерации, как и во многих других странах, туризм играет значимую роль в развитии экономики и в привлечении иностранного капитала в страну. Кроме того, туризм создает новые рабочие места и активно участвует в формировании валового внутреннего продукта, оказывая значимое влияние на развитие смежных отраслей национальных экономик: общественного питания, торговли, транспорта, сферы гостеприимства и т.д. Динамика развития сферы туризма зависит от ряда факторов, в частности:

- ресурсный фактор – наличие в регионе туристско-рекреационных ресурсов, непосредственно используемых в туристском обслуживании. Например, культурно-исторических, природно-климатических, человеческих и др. [1].
- экономический фактор, который предполагает обеспечение региона необходимой туристской инфраструктурой и материально-технической базой, которая, по своей сути, представляет собой средства производства турпродукта [2].

Международная практика ведения туристского бизнеса показывает, что в современных условиях деловой и конгресс туризм рассматриваются как одни из самых высокодоходных и активно развивающихся направлений организованных путешествий. Деловой туризм, как в России, так и за рубежом, является достаточным «молодым» видом туризма. Как самостоятельное направление путешествий его начали рассматривать лишь в 70–80е годы XX века. При этом из-за высоких темпов общемирового экономического развития и благодаря росту количества деловых поездок, данная сфера в настоящее время является одной из лидирующих. В Европейских странах за последнее десятилетие данный вид туризма увеличил свои показатели почти на 10%, при этом, показатели туризма в целом демонстрируют рост порядка 5%. По прогнозам экспертов в сфере туризма и гостеприимства, данные показатели будут только возрастать из за активизации межрегиональных и международных бизнес-коммуникаций и, как следствие, приведут к увеличению спроса на бизнес-путешествия.

В связи с тем, что становление и развитие делового туризма происходило с укреплением внешнеэкономических связей, его обособление в самостоятельную сферу туристской индустрии повлияло на успешность бизнеса современных туристских организаций. Этот вид туризма признан экономическим феноменом XX века, благодаря тому, что он выделялся быстротой темпа роста и значительным влиянием на развитие экономики, что мы можем наблюдать и по сей день.

Связь между историей человечества и деловым туризмом является абсолютной, ведь первыми бизнесменами были средневековые купцы VII–X вв., которые заключали торговые сделки, благодаря чему налаживались международные связи, и происходил обмен товарами что влияло на межгосударственную политику и экономику.

Результаты исследования. Профессор Р. Дэвидсон отметил: «Бизнес-туризм связан с людьми, которые вынуждены путешествовать по работе. Тем самым, представляется одна из самых древних форм туризма, когда с древних времен человек осуществлял путешествия с деловыми целями». Можно предположить, что именно новые потребности и любопытство выступали толчками к деловым путешествиям. Так, например, «Великий Шелковый путь» из Китая возник благодаря торговым караванам из Западной Европы, а новые земли, и торговые мосты между континентами были открыты, благодаря мореплавателям и путешественникам.

Авторы, изучающие данную сферу, раскрывают содержание понятия «деловой туризм» по-разному. Так, например, Л.А. Волкова и А.Т. Кириллов под этим термином понимают «поездки, связанные с выполнением профессиональных обязанностей», а И.В. Зорин и В.А. Квартальнов дают более обширное определение, это «временные командировки и поездки со служебными целями, включая участие в конференциях, конгрессах и т.д. без получения доходов в месте командировки». В распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 г. № 2129-р (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 23.11.2020 № 1903) деловой туризм именуется как «путешествие в профессионально-деловых целях (командировки, конференции, конгрессы, выставки, встречи, деловые мероприятия и пр.), включающее в себя предоставление услуг проезда, проживания, организации встреч, питания, культурного, музейного, досугового характера и т.п.». [7, 9, 10]

В соответствие с определением А. Агилеры, [3] деловой туризм является совокупностью отношений и явлений, возникающих и происходящих в рабочее время с целью посещения деловых мероприятий в местах отличных от места работы. В свою очередь, Р. Дэвидсон [4] характеризует деловой туризм, делая акцент на его связи с выполнением, путешествующим лицом профессиональных функций и реализацией бизнес интересов фирмы, направленных на выполнение стратегических и оперативных задач, формирование у сотрудника необходимых знаний с целью совершенствования его профессиональных качеств, а также поощрением работника за хорошее исполнение его функциональных обязанностей. Данная позиция находит свое подкрепление в большинстве трудов отечественных авторов, среди которых: И.Т. Балабанов, И.В. Зорин, А.Т. Кириллов и другие. Российская ассоциация делового туризма, при определении содержания

понятия «деловой туризм» делает упор на то, что деловые поездки не связаны с получением основного или дополнительного заработка в месте пребывания.

Таким образом, деловой туризм – это подвид туризма, когда путешественник посещает страны или регионы с деловыми или профессиональными целями, исключая получение доходов.

Специфику этого вида туризма наиболее емко дает англоязычная аббревиатура «MICE» (рис 1), которая широко используется в бизнес-индустрии и обозначает четыре ведущих направления деятельности в этой сфере, а именно:

Рис. 1. Англоязычная аббревиатура «MICE»

Считается, что MICE-индустрия наиболее перспективная отрасль мировой экономики. Это объясняется тем, что деловой туризм преследует цели, в полной мере отвечающие задачам современной бизнес-индустрии, в частности:

- основное и дополнительное образование и обучение сотрудников, партнёров, клиентов компании;
- формирование и расширение профессиональных, специальных, личностных коммуникаций;
- мотивация сотрудников к более эффективному выполнению своих функциональных обязанностей и креативному отношению к профессиональной деятельности;
- продвижение компании, корпоративного бренда, с целью повышения конкурентоспособности, популяризации норм, ценностей, потенциала и т.д.

Благодаря специфике MICE, эта индустрия пользуется все большей популярностью и становится значимой на международном рынке услуг туризма и гостеприимства.

Движущей силой, благодаря которой MICE столь успешно развивается, на наш взгляд являются (рис 2).

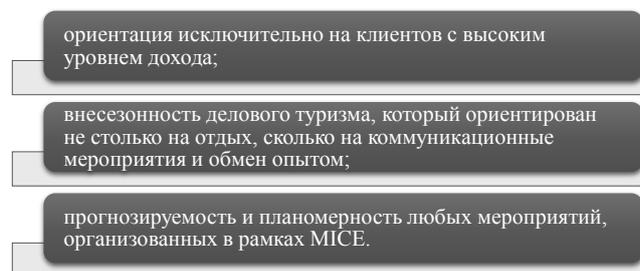

Рис. 2. Специфика MICE

Как уже отмечалось, современный деловой туризм оказывает существенное влияние на развитие экономик отдельных регионов и стран, участвуя в их интеграции в глобальное экономическое пространство. Деловые путешествия разнообразны и включают в себя: индивидуальные и групповые туры, участие в съездах, конференциях и семинарах, организуемых торговыми, промышленными компаниями и научно-образовательными учреждениями, посещение отраслевых выставок и ярмарок. Данный вид туризма открывает возможности знакомства с инновационными технологиями и изобретениями в различных отраслях и сферах деятельности, встреч с инвесторами, поставщиками и т.д. Деловые поездки неразрывно связаны с формированием и развитием внешних связей, что не может не оказывать положительного влияния на экономические показатели и уровень социального развития отдельных территорий и регионов в которых проводятся деловые мероприятия. [5]

В структуре глобального делового туризма сегодня лидирующие позиции занимают индивидуальные туры (70,8%), далее по популярности следуют поездки с целью посещения семинаров и конференций – 12,6% от общего числа деловых поездок, а на посещение отраслевых выставок отводится порядка 10,9%. Конгрессные и интенсив туры занимают всего по 3%. В общемировом объёме туристского потока доля деловых туристов составляет около 25% от общего числа поездок. (рис. 3) [7].

Рис. 3. Структура мировой сферы делового туризма

Нельзя не сказать, о том что, «business travel» в нашей стране – это относительно новое направление. Основные изменения произошли в конце XX века, когда в нашу страну потянулись международные компании для обмена опытом, укрепления бизнес-связей, увеличения интеллектуального потенциала, изучения тенденция для совершенствования индустрии, поиска новых партнеров и, самое главное, освоения перспективных рынков. Таким образом, можно говорить, что глобальные международные компании «спровоцировали» зарождение основ теории обслуживания индустрии business travel, без которых сегодня невозможно представить развитие экономики делового туризма. В ответ на возникшую потребность в профессиональных агентствах делового туризма, появились первые travel-агентства (ТМС), работаю-

щие в сегменте B2C и B2B, специализирующиеся на организации делового туризма. Сегодня Россия является игроком международного рынка business travel, о чем свидетельствует приход на Российский рынок крупных отраслевых ассоциаций: ACTE (Association of Corporate Travel Executives, Ассоциация корпоративных управляющих деловыми поездками) и GBTA (Global Business Travel Association, Международная ассоциация делового туризма). GBTA на отечественном рынке появилась в 2013 году, а уже в 2014 году Ассоциация Бизнес Туризма (АБТ), крупнейшая Российская организация, функционирующая в сфере делового туризма на территории России и СНГ, подписала соглашение о партнерстве с ACTE, в рамках которого стала официально представлять интересы международной ассоциации на территории России под объединенным брендом АБТ-ACTE RUSSIA [7].

По прогнозам WTTC к 2020 г. число доходов от бизнес туристов возрастет втрое – до 1600 млрд руб. за год. Данные по объему рынка business travel отражены на рисунке 4.

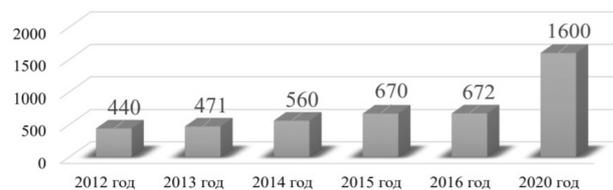

Рис. 4. Динамика Российского рынка делового туризма, (2012–2020 гг. млрд руб.)

Конгрессно-выставочный туризм можно рассматривать как наиболее подвижный сегмент в структуре делового туризма, под ним чаще всего понимается деятельность по организации конференций, выставок, конференций, ярмарок, проходящих в рамках делового туризма. Согласно статистике Всемирной туристской организации (UNWTO), доля конгрессно-выставочного туризма составляет порядка 9% от общего количества туристских поездок в мире [8].

Сегодня, в условиях изменившейся внешней среды и переориентации туристских потоков, внутренний туризм России стал более привлекателен и востребован для бизнеса.

Деловые туры рассматриваются и как возможность для развития бизнеса, и как средство укрепления межрегиональных связей, доверия, реализации совместных бизнес проектов [9].

Количество и интенсивность внешнеэкономических контактов России с зарубежными странами, неуклонно растёт. В крупнейших мегаполисах – промышленных и культурных центрах страны Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Новосибирске, Екатеринбурге, Казани, Сочи и других городах – быстрыми темпами растёт число средств размещения и сопутствующей инфраструктуры для развития бизнес и конгресс туризма.

Ежегодно около 50 городов страны организуют на своих площадках крупные бизнес мероприятия.

При этом, нельзя не отметить что развитие делового туризма в нашей стране отличается от зарубежного опыта. Агентства по оказанию услуг бизнес туризма, взаимодействующие с иностранцами отмечают:

- рост количества неорганизованных туристов;
- запросы на специализированные отраслевые мероприятия;
- увеличения количества разноформатных конференций;
- среднюю продолжительность бизнес поездок – 2–3 дня.

В свою очередь, внутрироссийскому рынку делового туризма присуще следующие особенности:

- деловые путешествия носят многоцелевой характер, включают отдых, обучение, коммуникации;
- мероприятия организуются в курортных дестинациях, как внутри страны, так и за её пределами;
- наибольшей популярностью пользуются три города: Москва, Санкт-Петербург и Сочи, что связано с высокой технической оснащённостью конференц-комплексов и отелей;
- высокая цена бизнес-туров, что связано с тем, что это новый вид туризма, который активно развивается;
- ярков выраженная сезонность бизнес поездок.

В рейтинге всемирной ассоциации организаторов конгрессов по данным ВТО в 2018 году Россия занимала 42-е место (таблица 1).

Таблица 1. Россия в мировом рейтинге конгрессных дестинаций [11]

Место в рейтинге	Страна
1	2
1	Соединенные Штаты Америки
2	Германия
3	Испания

41	Словения
42	Россия
43	ОАЭ

50	Вьетнам

60	Латвия

Деловой туризм – активно развивающаяся отрасль, однако направление и география отечественного делового туризма из года в год сохраняется. Как правило являются лидерами, Москва и Санкт-Петербург, хотя список внутрироссийских ТОП-направлений расширяется и изменяется. Например, в 2018 году в ТОП-5 направлений для бизнес-поездок по стране входили Самара, Сочи и Новосибирск, а через год места с третьего по пятое распределились иначе: Екатеринбург, Самара, Краснодар [10].

Краснодарский край – это регион со стабильно развивающейся экономикой, благоприятным инвестиционным климатом, комфортными условиями для ведения бизнеса. Здесь проводятся национальные и международные мероприятия, что положительно сказывается на увеличении туристского потока. В регионе ежегодно проводится более 500 мероприятий, которые относятся к конгрессным формам туризма.

Проведение мероприятий и участие Краснодарского края в выставочно-ярмарочных и конгрессных мероприятиях в России и за рубежом повышает деловую активность в регионе, способствует распространению информации для потенциальных инвесторов об инвестиционных интересах и возможностях. Повышает инвестиционный потенциал, даёт представление о возможностях региональных компаний для развития экспорта товаров и услуг. Это повышает экономическую эффективность компаний функционирующих в сфере туризма, гостеприимства и смежных отраслей. И способствует наполнению регионального бюджета [11].

Сегодня можно констатировать, что Краснодар и Сочи – города обладающие развитой инфраструктурой для организации и проведения крупномасштабных конгрессно-выставочных мероприятий. При этом руководство Краснодарского края высказывает заинтересованность в развитии конгрессно-выставочной деятельности в других городах и муниципалитетах. [12]

Закключение. В целом, можно утверждать, что современная индустрия конгресс туризма тонизирует активность многих смежных отраслей экономики. Деловой туризм, как весомый сектор индустрии туризма обеспечивает рост доходности экономики страны. Строительство специализированных конгресс-центров и бизнес-отелей, развитие сферы общественного питания и транспорта, прокладка новых дорог, появление новых транспортных маршрутов, рост числа турагентских компаний – все это способствует созданию новых рабочих мест, росту платежей в бюджеты всех уровней, развитию инфраструктуры, формирует устойчивый инвестиционный климат, активизирует въездной туристский поток.

Литература

1. Ушакова Е.О. Исследование ресурсного потенциала Новосибирской области для развития туристской отрасли / Г.Е. Мекуш, Е.О. Ушакова // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. 2015. № 1 (29). С. 101–110.
2. Балабанов И.Т. Экономика туризма / И.Т. Балабанов, А.И. Балабанов. М.: Финансы и статистика, 2002. 250 с.
3. Aguilera A. Business travel and mobile workers // Transportation Research. 2008. Vol. 42. Part A.P. 1109–1116.

4. Davidson R. Business Travel: Conferences, Incentive Travel, Exhibitions, Corporate Hospitality and Corporate Travel / R. Davidson, B. Cope. London, United Kingdom: Pearson Education, 2003. 290 p.
5. Клейман А.А. Тренды развития туристского рынка и формирования потребительских предпочтений / А.А. Клейман, О.А. Бабанчикова // Менеджмент предпринимательской деятельности. Материалы XVII международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов, 2019. С. 399–405.
6. Симченко Н.А. Экосистемная модель медико-рекреационного развития республики Крым / Симченко Н.А., Яновская А.А., Цёхла С.Ю. // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 1. С. 77–86.
7. Маркова В.Д. Новые принципы управление бизнесом в цифровой экономике / Маркова В.Д. // В сборнике: ВЕКТОР РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 62–66.
8. Дорофеева А.А. Инновационные технологии развития туристской деятельности Крымского региона / А.А. Дорофеева, П.Е. Житный, А.Н. Казак и др. Симферополь: Изд-во: ООО «Издательство типография Ариал», 2017. 163 с.
9. Зорин И.В. Энциклопедия туризма / И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. М.: Финансы и статистика, 2015. 368 с.
10. Кириллов А.Т. Маркетинг в туризме / А.Т. Кириллов, Л.А. Волкова; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 184 с.
11. Макринова Е.И. Индустрия туризма в современной мировой экономике: иерархия постановки задач и результаты социально-экономических исследований на международном, национальном и региональном уровнях / Е.И. Макринова, В.В. Лысенко, С.П. Никулина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 2 (75). С. 54–65.
12. Феденева И.Н. Потенциал Транссибирской магистрали для развития внутреннего и въездного туризма в России / Л.К. Комарова, И.Н. Феденева // Инновационные факторы развития транспорта. Теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции: в 3 частях, 2018. С. 54–61.

MODERN BUSINESS TOURISM: STRUCTURE, FEATURES, DEVELOPMENT

Nyurenberger L.B., Rogaleva N.L., Petrenko N.E.

Novosibirsk State University of Economics and Management (NINH); Russian University of Cooperation (Kamchatka Branch)

One of the relatively new and dynamically developing types of tourism today is business tourism, which over the past decade has shown an increase in the volume of tourist traffic by more than 10%. Individual tours, visits to exhibitions, conferences, and congress events occupy leading positions in the structure of global business tourism. Congress and exhibition tourism is the most mobile segment of the business tourism market. The purpose of the research is focused on the generalization and systematization of approaches to the content of the conceptual apparatus of business tourism, identifying the specifics of the organization of business tours in Russia and abroad, justifying its role and prospects for development in the regions of Russia.

The object of the research is the modern sphere of business tourism, which tones up the activity of a number of related industries, ensures the growth of regional and national economies, forms interstate political interaction. In the course of the research, methods of general scientific and special generalization, analysis, and dialectical approach were used. Within the framework of the obtained results, system generalizations are made, the main concepts and categories are meaningfully disclosed, the features are defined and the specifics of the development of business tourism in Russia and abroad are revealed.

Keywords: business tourism, MICE, corporate events, congress and exhibition tourism, business tourism

References

1. Ushakova E.O. Research of the resource potential of the Novosibirsk region for the development of the tourism industry / G.E. Mekush, E.O. Ushakova // Bulletin of the Siberian State Geodetic Academy. 2015. No. 1 (29). pp. 101–110.
2. Balabanov I.T. Tourism economics / I.T. Balabanov, A.I. Balabanov. M.: Finance and Statistics, 2002. 250 p.
3. Aguilera A. Business travel and mobile workers // Transportation Research. 2008. Vol. 42. Part A.P. 1109–1116.
4. Davidson R. Business Travel: Conferences, Incentive Travel, Exhibitions, Corporate Hospitality and Corporate Travel / R. Davidson, B. Cope. London, United Kingdom: Pearson Education, 2003. 290 p.
5. Kleiman A.A. Trends in the development of the tourist market and the formation of consumer preferences / A.A. Kleiman, O.A. Babanchikova // Management of entrepreneurial activity. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference of teachers, doctoral students, postgraduates and students, 2019. pp. 399–405.
6. Simchenko N.A. Ecosystem model of medical and recreational development of the Republic of Crimea / Simchenko N.A., Yanovskaya A.A., Tsekhlа S. Yu. // Bulletin of the Volgograd State University. Economy. 2021. Vol. 23. No. 1. pp. 77–86.
7. Markova V.D. New principles of business management in the digital economy / Markova V.D. // In the collection: VECTOR OF DEVELOPMENT OF MANAGERIAL APPROACHES IN THE DIGITAL ECONOMY. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, 2021. pp. 62–66.
8. Dorofeeva A.A. Innovative technologies for the development of tourist activity in the Crimean region / A.A. Dorofeeva, P.E. Zhitny, A.N. Kazak, etc. Simferopol: Publishing house: LLC "Publishing house tipografiya Arial", 2017. 163 p.
9. Zorin I.V. Encyclopedia of tourism / I.V. Zorin, V.A. Kwartalnov. M.: Finance and statistics, 2015. 368 p.
10. Kirillov A.T. Marketing in tourism / A.T. Kirillov, L.A. Volkova; St. Petersburg State University, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 1996. 184 p.
11. Makrinova E.I. The tourism industry in the modern world economy: the hierarchy of setting tasks and the results of socio-economic research at the international, national and regional levels / E.I. Makrinova, V.V. Lysenko, S.P. Nikulina // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. 2019. No. 2 (75). pp. 54–65.
12. Fedeneva I.N. The potential of the Trans-Siberian railway for the development of domestic and inbound tourism in Russia / L.K. Komarova, I.N. Fedeneva // Innovative factors of transport development. Theory and practice. Materials of the international scientific and practical conference: in 3 parts, 2018. pp. 54–61.

Банковские экосистемы в России: сущность, виды, регулирование

Нурмухаметов Рим Канифович,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Тульский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail RKNurmuhametov@fa.ru

Воскресенская Людмила Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Тульский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail LNVoskresenskaya@fa.ru

Мясникова Елена Борисовна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Тульский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail EBMMyasnikova@fa.ru

Различные исследования показывают, что формирование банковских экосистем является мировым трендом. В статье рассматриваются факторы, способствующие появлению банковских экосистем, главными из которых являются внедрение новых цифровых технологий и рост конкуренции в банковском бизнесе. Рассмотрены основные компоненты банковских экосистем: единая цифровая платформа, клиентоориентированность бизнеса и формы партнерства. Приведены различные точки зрения на сущность банковских экосистем, платформ. Выделены четыре типа российских банковских экосистем. Рассмотрены предложения по регулированию экосистем, предложенные Банком России, Минэкономразвития, Федеральной антимонопольной службой. Система регулирования экосистем должна стимулировать развитие российских экосистем, способных конкурировать с мировыми технологическими компаниями, развивать конкуренцию и защищать интересы всех участников экосистем. На данном этапе целесообразно внедрение «мягких» инструментов регулирования с использованием регулятивной «песочницы».

Ключевые слова: платформа, экосистема, банковская экосистема, риски, конкуренция, финансовые и нефинансовые услуги, регулирование.

Введение. Опрос 120 глобальных банков, проведенный компанией Assenture в 2019 г., показал, что 9 из 10 банков заинтересованы в развитии экосистемы, ориентированной на удовлетворение потребностей клиентов через предложения партнеров, тесно сотрудничающих друг с другом и с банком. При этом 88% опрошенных банков считают, что в будущем экосистемы станут важным способом взаимодействия с клиентами [1]. Компания McKinsey, исследуя первые эксперименты с формированием экосистем, пришла к выводу, что около половины компаний просто начали экспериментировать с экосистемами, около 40% – зашли достаточно далеко на этом пути, и только 10% традиционных компаний создали экосистемы, которые приобрели достаточный масштаб и доходность [2].

Особенностью России является ведущая роль финансового сектора в создании экосистем, которые де-факто формируются на базе крупных банков и находятся только в начале этого процесса. Так, Сбербанк в 2020 году объявил, что он построил полностью интегрированную экосистему, которая работает по формуле 2+2=5. Россельхозбанк намерен создать экосистему, глобальной целью которого будет предоставление фермерам и жителям села максимально комфортные и полезные сервисы. О формировании своих экосистем объявили также такие банки, как ВТБ и Тинькофф.

Формирование банковских экосистем, как видим, является одной из мировых тенденций развития банков. По мнению известной аудиторско-консалтинговой компании «Ernst & Young» (EY) этому способствовал ряд факторов (рис. 1):

Рис. 1. Факторы, способствующие формированию экосистем

Источник: How financial institutions can build a robust ecosystem strategy. URL: file:///C:/Users/Asus_PC/Downloads/ey-taking-a-strategic-view%20(1).pdf

Ключевыми же факторами, способствующими появлению экосистем, по нашему мнению, являются:

- конкуренция традиционных банков с компаниями FinTech и BigTech,

которые проникают в банковское дело и захватывают долю рынка, используя свои технологические преимущества;

- цифровизация банковской деятельности и создание цифровых платформ, которые расширяют возможности сотрудничества всех заинтересованных сторон.

Формирование крупных банковских экосистем, учитывая их большую роль в кредитной системе, привлекло внимание Банка России, который в 2021 г. выпустил для обсуждения два взаимосвязанных доклада: «Экосистемы: подходы к регулированию» [3] и «Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в имобилизованные активы» [4]. По вопросам развития экосистем высказал свое позицию и Минэкономразвития, которое опубликовало концепцию регулирования цифровых платформ и экосистем [5]. В этих документах, речь идет не только о развитии и регулировании экосистем на базе крупных банков, но и о технологических компаниях, которые развивают сектор финансовых услуг. Не остается в стороне от проблем экосистем и Федеральная антимонопольная служба (ФАС). Она разработала Пятый антимонопольный пакет, который вносит целый ряд поправок к закону о защите конкуренции и перечисляет критерии ИТ-компаний, к которым будут применяться антимонопольные меры. Россия и антимонопольные ведомства стран БРИКС намерены провести также исследование глобального цифрового рынка, в фокусе которого будут цифровые платформы и экосистемы.

Формирование цифровых банковских экосистем – это новое явление XXI века. Об актуальности этой темы говорит и тот факт, что она обсуждалась на специальной панельной секции «Цифровое будущее в финансах: борьба экосистем» на ПМЭФ-2021. Что же представляют собой современные банковские экосистемы, каковы особенности их формирования в России и, наконец, как их регулировать. Это и будет предметом нашего исследования.

Основные компоненты банковской экосистемы

Понятия «экосистема» широко распространено в различных науках. Подробный анализ различных видов и названий экосистем можно найти в работе Г.С. Розенберга [6]. Большинство исследований современных экосистем России носит прикладной характер [7,8,9]. Среди теоретических работ можно выделить исследования Г.Б. Клейнера, М.А. Рыбачук и В.А. Карпинской [10,11], В.Е. Косарева и Г.М. Иараджули [12] и др.

В научной литературе и среди экспертов отсутствует единое понимание сущности и типов экосистем. По мнению Банка России, экосистема – это построенная на основе данных о клиентах совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, позволяющих пользователям в рамках единого процесса получать широкий спектр про-

дуктов и услуг [4]. Минэкономразвития рассматривает «цифровую экосистему» с другой стороны, а именно, как **клиентоцентричную бизнес-модель**, объединяющую две и более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов. При этом, особенностью экосистем, по мнению Министерства, является то, что в условиях экосистемы создается дополнительная ценность [5].

По мнению ректора Финансового университета при Правительстве РФ М.А. Эскиндарова, банковская экосистема – это построение сети организаций, созданных вокруг единой технологической платформы и пользующихся её услугами для формирования предложений клиентам и доступа к ним [13, с.68]. В этом определении акцент делается на институциональный, организационный аспект банковской экосистемы. И. Келли (E. Kelly) и К. Марчезе (K. Marchese), сотрудники известной международной компании Делойт (Deloitte), которая специализируется в области консалтинга и аудита, рассматривают экосистемы, как сообщества различных участников, которые создают новые ценности с помощью разнообразных моделей сотрудничества и конкуренции [14].

Исходя из вышеназванных определений экосистем, по нашему мнению, можно выделить три основных компонента, которые определяют сущность банковской экосистемы.

Первый компонент – наличие единой цифровой платформы, которая позволяет беспрепятственно переключаться к различным ее сервисам. В условиях глобальной цифровизации экономики без цифровой платформы создание современной экосистемы практически невозможно. Например, развитие цифровой платформы «Platform V» является фундаментальной составляющей стратегии, на которой базируются все планы развития финансового и нефинансового бизнеса Сбера. Россельхозбанк разрабатывает суперприложения (суперапп) для села с потенциальной аудиторией 38 млн человек. Тинькофф объявил о запуске супераппа, на основе которого заметно расширится спектр услуг для населения в области финансов, досуга и лайфстайла, что позволит к 2023 году довести количество клиентов до 20 млн. человек.

Второй компонент банковской экосистемы – клиентоориентированность, т.е. ориентация банка на удовлетворение широкого круга потребностей клиентов, как финансового, так и нефинансового порядка. Например, опрос, проведенный компанией PWC среди топ-менеджеров ряда ведущих банков по всему миру, показывает, что подавляющее большинство банков признают, что успешные модели развития подразумевают переход от сегодняшней модели удовлетворения нужд клиента в конкретных банковских продуктах к концепции удовлетворения самых широких потребностей клиента [15]. Следует отметить, что в современных условиях модель клиентоориентированно-

сти бизнеса, как нам представляется, имеет признаки трансформации в направлении корректировки цели бизнеса, а именно: служить всем заинтересованным сторонам – клиентам, сотрудникам, поставщикам, сообществам и акционерам. Поэтому модель функционирования экосистемы должна исходить именно из такой цели бизнеса.

Третий компонент – различные формы сотрудничества (партнерства) между всеми участниками экосистемы, что позволяет объединять данные о клиентах, ресурсы, рынки, а также осуществлять персонализированный подход ко всем клиентам. Участие разнообразных организаций (больших и малых) позволяют создавать, масштабировать и обслуживать рынки, выходящие за рамки возможностей любой отдельной организации.

Исходя из такого понимания природы экосистемы, можно дать следующее определение банковской экосистемы: это – способ ведения банком интегрированного бизнеса, основанный на одной или нескольких цифровых платформах с различными сервисами, объединяющий клиентов и поставщиков услуг в целях удовлетворения их финансовых и нефинансовых потребностей, и который может принимать различные формы партнерства.

В литературе нередко экосистема отождествляется с **платформой**. Однако при обсуждении этого вопроса высказывалось мнение, что при формулировании критериев экосистемы необходимо учитывать различия между платформой и экосистемой. Соглашаясь с такой позицией, считаем, что платформы могут существовать и вне экосистем. В то же время в современных условиях экосистемы без цифровых платформ практически функционировать не могут, поскольку платформы обеспечивают взаимодействие всех участников экосистем в формате онлайн. В этой связи следует отметить, что общепринятое определение понятия «платформа» отсутствует, хотя в российском законодательстве используются такие понятия, как «инвестиционная платформа» и «финансовая платформа». Они определяются как информационные системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но имеющие разные цели. В Концепции Минэкономразвития о регулировании цифровых платформ и экосистем дается следующее определение понятия «цифровая платформа»: это «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства». Исходя из вышесказанного, по нашему мнению, цифровую платформу можно было бы определить, как информационную систему, которая обеспечивает технологическое и организационное функционирование и взаимодействие всех участников экосистемы.

О типах российских банковских экосистем. Анализ банковских экосистем в России показыва-

ет, что в настоящее время можно выделить четыре типа банковских экосистем.

Первый тип – это экосистема Сбера, которую условно можно назвать конгломерантной. Ее характеризуют, по крайней мере, две особенности. Первая особенность – огромное внимание к технологиям. В 2020 году Сбер закончил этап создания платформы «Platform V», на которой базируются все планы развития финансового и нефинансового бизнеса. Затраты Сбербанка на технологическую трансформацию (автоматизацию банковских работ) составили за последние 5 лет 535,3 млрд рублей, причем инвестиции в технологии принесут «Сберу» около 20% прибыли группы [16]. Вторая особенность Сбера, как экосистемы, состоит в том, что в его состав входит большое количество нефинансовых сервисов: Сберлогистика, СберМаркет, онлайн-кинотеатр Okko, СберЗдоровье и др. Все это говорит об уникальности модели экосистемы Сбера, который реально превратился в универсальную крупную финансово-технологическую компанию.

Второй тип банковских экосистем – платформенный, где центром формирования услуг становится платформа. В частности, такой тип экосистемы, по нашему мнению, реализует Тинькофф. На его сайте прямо указывается, что Тинькофф – это онлайн-экосистема, основанная на финансовых (Тинькофф Банк, Тинькофф Бизнес, Тинькофф Инвестиции) и лайфстайл-услугах. Разрабатываемое им суперприложение объединит в себе сразу сотни функций, сервисов и услуг от Тинькофф и его партнеров – ведущих российских компаний. Ключевым элементом супераппа Тинькофф станет собственный маркетплейс. Фактически это будет магазин мини-приложений внутри суперприложения. Через них внешние партнеры смогут подключаться к маркетплейсу (через Open API) и встраивать свои товары и услуги для клиентов Тинькофф прямо в интерфейс приложения.

Третий тип банковской экосистемы – отраслевой. Примером здесь, на наш взгляд, является Россельхозбанк. Его модель экосистемы имеет ярко выраженную направленность на развитие агропромышленного комплекса и социальной жизни селян. Так, сервисы, созданные Россельхозбанком, помогают фермерам самостоятельно предлагать свои товары широкому кругу поставщиков, облегчают процесс получения квалифицированной ветеринарной помощи и т.д.

Четвертый тип банковской экосистемы, который условно можно назвать «партнерским», реализуется ВТБ, который намерен строить «открытую» экосистему по принципу партнерства с другими компаниями. Суть этой экосистемы заключается в сотрудничестве в формате white label, когда партнеры могут использовать лицензию и инфраструктуру ВТБ для предоставления банковских услуг под их собственным брендом [17].

Ряд крупных банков не называет себя экосистемой и концентрирует свои усилия на расши-

рении спектра финансовых услуг, повышении качества обслуживания клиентов. Однако, по существу, широкая диверсификация финансовых услуг является признаком банковской экосистемы.

Регулирование экосистем

В широком контексте регулирующие органы различных стран обеспокоены влиянием крупных технологических компаний, которые имеют конкурентное преимущество, сложившееся из их широкой клиентской базы, огромного объема данных, к которым они могут получить доступ, а также их значительных технологических и финансовых возможностей. Это в свою очередь может оказать серьезное влияние на стабильность финансовой системы. Концентрация критически важных ресурсов, например, облачные вычисления, аналитика данных, в руках всего нескольких поставщиков представляет собой потенциальный источник системного риска. Поэтому всеми признается, что регулирование экосистем необходимо. Вопрос заключается в том, как это осуществить наиболее эффективно. Достаточно ли уже существующей правовой базы для этого, или требуется ее доработка, учитывающая специфику цифровой экосистемы? Сложность регулирования заключается в том, что, с одной стороны, необходимо стимулировать создание высокотехнологичных национальных экосистем, в т.ч. и банковских, а, с другой стороны, нужно создать условия для сохранения конкуренции, защиты и эффективного использования огромных массивов данных.

Регулирование экосистем – межведомственная проблема, это задача, как Банка России, так и государственных органов. ЦБ РФ и Минэкономразвития в своих опубликованных материалах предлагают широкий и одновременно «мягкий» подход к регулированию экосистем. При этом предлагаемые меры регулирования исходят из преимуществ и рисков экосистемы. Основные их предложения по регулированию можно свести, как нам представляется, в три группы: а) защита прав и интересов потребителей и поставщиков как внутри экосистем, так и за их периметром; б) содействие развитию национальных платформ и экосистем с целью их развития и поддержания их конкурентоспособности с международными экосистемами на российском рынке; в) поддержка внутренней конкуренции в целях сохранения оптимальной структуры рынка.

По нашему мнению, следует согласиться с предложениями Банка России,

что основные регуляторные требования необходимо предъявлять не к юридическому лицу, а к осуществляемой им деятельности, что вложения банков в нефинансовые сервисы сверх определенного уровня должны регулироваться. Идея Банка России о выделении иммобилизованных активов в принципе поддержана экспертами, однако предметом дискуссии стали их структура и методика расчета риск-чувствительного лимита. По нашему мнению, например, из состава иммобилизо-

ванных активов можно убрать стоимость недвижимости филиалов банков.

Заключение. Дискуссия об экосистемах показывает, что существует потребность в научной интерпретации таких понятий, как экосистема, цифровая экосистема, платформа, доминирующее положение и др. Многие участники обсуждения докладов Банка России и Стратегии Минэкономразвития о развитии платформ и экосистем в России считают, что в условиях, когда экосистемы только формируются, желательно использовать модель «мягкого» их регулирования. В этом плане необходимо проверять предлагаемые методы и инструменты регулирования в регулятивной «песочнице». Также было бы целесообразным подготовить единый документ ЦБ РФ, Минэкономразвития и ФАС о регулировании экосистем.

Актуальность цифровых экосистем для банковской отрасли, как показывают различные исследования, значительно возрастает в связи с цифровизацией и новыми потребностями клиентов. Практика, безусловно, выявит и слабые звенья экосистем, и неэффективность каких-либо сервисов. Однако важно стимулировать появление в стране крупных национальных финансово-технологических компаний, способных конкурировать на международной арене, а также внутреннюю конкуренцию, как стимул внедрения инноваций. Цифровые экосистемы предоставляют банкам огромную возможность создавать ориентированные на будущее бизнес-модели, оставаться актуальными в повседневной жизни своих клиентов и стабильно увеличивать свои доходы [18].

Литература

1. Competing with banking ecosystems. Exploring significant growth opportunities in a challenging new environment. Accenture Consulting. Part of the Banking as a Living Business series. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-102/Accenture-Banking-Ecosystem.pdf
2. Chung Violet, Dietz Miklós, Rab Istvan, Townsend Zac. Ecosystem 2.0: Climbing to the next level. McKinsey Quarterly. September 11, 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/ecosystem-2-point-0-climbing-to-the-next-level>
3. Экосистемы: подходы к регулированию. Доклад для общественных консультаций. Банк России. Москва. Апрель 2021 года. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf
4. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы. Доклад для общественных консультаций. Банк России. Москва. Июнь 2021 года. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf
5. Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные

цифровые сервисы на базе одной «экосистемы». URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf

6. Розенберг Г.С. Бизнес-экосистемы: что стоит за словами и куда это ведет? // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера» 2020, т. 12, № 4, с. 161–167
7. Sedashov Nikolay. Как российские компании строят экосистемы: что происходит и чего ожидать? URL: <https://vc.ru/u/163530-nikolay-sedashov/105427-kak-rossiyskie-kompanii-stroyat-ekosistemy-chto-proishodit-i-chego-ozhidat>
8. Красильщик Илья. Особенности российских экосистем. URL: <https://ict.moscow/news/russian-ecosystems/>
9. Быканова Н.И., Соловей Ю.А., Гордя Д.В., Коньшина Л.А. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства // Экономика. Информатика. 2020. Том 47, № 1, сс. 91–101.
10. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59), сс. 40–45
11. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А. Развитие экосистем в финансовом секторе России // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. сс. 2–15
12. Косарев В.Е., Иараджули Г.М. Экосистема как новая модель развития банка // Финансовые рынки и банки. 2020, № 1, сс. 58–62
13. Модернизация банковского сектора и рынка ценных бумаг в интересах повышения эффективности национальной экономики. Под общей редакцией председателя Комитета Государственной Думы по финансовому рынку А.Г. Аксакова. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 320 с.
14. Eamonn Kelly, Kelly Marchese. Supply chains and value webs. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/business-trends/2015/supply-chains-to-value-webs-business-trends.html>
15. Retail Banking 2020. Evolution or Revolution? PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/banking-capital-markets/banking-2020/assets/pwc-retail-banking-2020-evolution-or-revolution.pdf>
16. Инвестиции в технологии приносят «Сберу» около 20% прибыли группы. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4593622>
17. ВТБ намерен привлечь более 8 млн клиентов в рамках открытой экосистемы. URL: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2021/03/2021-03-29-vtb-nameren-privlech-bolee-8-mln-klientov-v-ramkakh-otkrytoy-ekosistemy/>
18. Tomas Rederer. Banken machen Tempo bei digitalen Ökosystemen. PwC-Studie 2021: Deutsche Banken setzen auf Beyond Banking. URL: <https://www.pwc.de/de/finanzdienstleistungen/banken-machen-tempo-bei-digitalen-okosystemen.html>

BANKING ECOSYSTEMS IN RUSSIA: ESSENCE, TYPES, REGULATION

Nurmukhametov R.K., Voskresenskaya L.N., Myasnikova E.B.

Tula branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Various studies show that the formation of banking ecosystems is a global trend. The article examines the factors contributing to the emergence of banking ecosystems, the main of which are the introduction of new digital technologies and the growth of competition in the banking business. The main components of banking ecosystems are considered: a unified digital platform, customer focus of business and forms of partnership. Various points of view on the essence of banking ecosystems and platforms are presented. Four types of Russian banking ecosystems have been identified. The proposals on the regulation of ecosystems proposed by the Bank of Russia, the Ministry of Economic Development, and the Federal Antimonopoly Service were considered. The ecosystem regulation system should stimulate the development of Russian ecosystems that can compete with global technology companies, develop competition and protect the interests of all ecosystem participants. At this stage, it is advisable to introduce “soft” regulatory instruments using a regulatory “sandbox”.

Keywords: platform, ecosystem, banking ecosystem, risks, competition, financial and non-financial services, regulation.

References

1. Competing with banking ecosystems. Exploring significant growth opportunities in a challenging new environment. Accenture Consulting. Part of the Banking as a Living Business series. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-102/Accenture-Banking-Ecosystem.pdf
2. Chung Violet, Dietz Miklós, Rab Istvan, Townsend Zac. Ecosystem 2.0: Climbing to the next level. McKinsey Quarterly. September 11, 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/ecosystem-2-point-0-climbing-to-the-next-level>
3. Ecosystems: Approaches to Regulation”. Public Consultation Report. Bank of Russia. Moscow. April 2021. URL: http://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf
4. Regulation of the risks of banks’ participation in ecosystems and investments in immobilized assets. Public Consultation Report. Bank of Russia. Moscow. June 2021. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/123688/Consultation_Paper_23062021.pdf
5. The concept of general regulation of the activities of groups of companies developing various digital services based on one “ecosystem”. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf
6. Rosenberg G.S. Business ecosystems: what is behind the words and where does it lead? // Interdisciplinary scientific and applied journal “Biosphere” 2020, vol. 12, no. 4, pp. 161–167
7. Sedashov Nikolay. How Russian Companies Build Ecosystems: What Happens and What to Expect? URL: <https://vc.ru/u/163530-nikolay-sedashov/105427-kak-rossiyskie-kompanii-stroyat-ekosistemy-chto-proishodit-i-chego-ozhidat>
8. Krasilshchik Ilya. Features of Russian ecosystems. URL: <https://ict.moscow/news/russian-ecosystems/>
9. Bykanova N.I., Nightingale Yu.A., Gordya D.V., Konshina L.A. Formation of banking ecosystems in the context of digitalization of the banking space // Economy. Computer science. 2020. Volume 47, No. 1, pp. 91–101.
10. Kleiner G.B. The Economy of Ecosystems: A Step Into the Future // Economic Revival of Russia. 2019. No. 1 (59), pp. 40–45
11. Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A. Development of ecosystems in the financial sector of Russia // Manager. 2020. Vol. 11, No. 4. ss. 2–15
12. Kosarev V.E., Iarajuli G.M. Ecosystem as a new model of bank development // Financial markets and banks. 2020, no. 1, pp. 58–62
13. Modernization of the banking sector and the securities market in order to improve the efficiency of the national economy. Under the general editorship of the Chairman of the State Duma Com-

- mittee on the Financial Market A.G. Aksakov. – M.: Publication of the State Duma, 2018. – 320 p.
14. Eamonn Kelly, Kelly Marchese. Supply chains and value webs. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/business-trends/2015/supply-chains-to-value-webs-business-trends.html>
 15. Retail Banking 2020. Evolution or Revolution? PWC. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/banking-capital-markets/banking-2020/assets/pwc-retail-banking-2020-evolution-or-revolution.pdf>
 16. Investments in technology bring Sber about 20% of the group's profits. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4593622>
 17. VTB intends to attract more than 8 million clients within the framework of an open ecosystem. URL: <https://www.vtb.ru/o-banke/press-centr/novosti-i-press-relizy/2021/03/2021-03-29-vtb-nameren-privlech-bolee-8-mln-klientov-v-ramkakh-otkrytoy-ekosistemy/>
 18. Tomas Rederer. Banken machen Tempo bei digitalen Ökosystemen. PwC-Studie 2021: Deutsche Banken setzen auf Beyond Banking. URL: <https://www.pwc.de/de/finanzdienstleistungen/banken-machen-tempo-bei-digitalen-okosystemen.html>

Совершенствование налогообложения цифрового бизнеса

Шилин Леонид Игоревич,

аспирант, Департамент налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: shilinleonid@outlook.com

Предметом исследования является соответствие существующих механизмов налогообложения цифрового бизнеса современным принципам налогообложения. Особое внимание уделяется актуальному научному видению того справедливы ли предлагаемые системы налогообложения цифровых услуг в мире и являются ли они справедливыми по отношению к цифровым компаниям. Исследуется то, на каких основаниях у юрисдикций источников доходов иностранных компаний может возникать право облагать их доходы налогами, и какие механизмы при этом являются наиболее подходящими и советующими современным вызовам. Также автором отмечается, что в условиях ситуации когда современные цифровые компании зачастую пользуются низконалоговыми юрисдикциями, применение к ним современных принципов налогообложения невозможно. Основными выводами проведенного исследования является то, что мировые налоговые администрации ставят налоговую суверенность своих государств вводя односторонние механизмы налогообложения цифровых компаний. При этом отдельные авторы указывают на то, что такая политика мировых администраций не соответствует четырем важнейшим принципам налогообложения. Научная новизна исследования основана на важности процессов трансформации в налогообложении цифрового бизнеса, и ее актуальности в современной повестке ОЭСР. Также отмечается, что изучение вопросов соответствия механизмов налогообложения цифрового бизнеса текущим принципам налогообложения является новым опытом для всего мирового научного сообщества.

Ключевые слова: цифровые услуги, налогообложение цифровых услуг, налогообложение цифровых компаний, оэср, цифровизация, принципы налогообложения, принцип нейтральности, принцип горизонтального равенства, принцип выгод, принцип налоговой суверенности.

С 2015 года мировое сообщество под эгидой ОЭСР работает над решением вызовов связанных с налогообложением цифрового бизнеса. С развитием всемирной сети «Интернет» у бизнеса появилась возможность вести деятельность, связанную с электронными услугами из любой точки мира, тем самым избегая уплаты подоходных и косвенных налогов в юрисдикциях-источниках дохода.

В 2015 году со стороны ОЭСР был представлен доклад по действию 1 плана BEPS, в котором была задекларирована необходимость разработки единого подхода к налогообложению цифровых компаний, и постепенно вводить как прямые налоги для цифровых компаний, так и механизмы налогообложения иностранных компаний косвенными налогами (налог на добавленную стоимость, налог с продаж).

В течение 6 лет со стороны Евросоюза и отдельных стран были предложены односторонние механизмы налогообложения цифрового бизнеса. Так, Франция в 2019 году первая ввела налог на цифровые услуги, в Индии в 2017 был введен уравнительный сбор в отношении электронных услуг. При этом с 2019 года ОЭСР активно разрабатывает унифицированный подход к налогообложению цифровых компаний (Pillar 1).

В мире уже 21 страна ввела односторонние налоги на цифровые услуги, и можно сделать вывод, что с каждым годом все больше стран будут имплементировать такие механизмы, пока на международном уровне не будет создана понятная и эффективная система налогообложения для цифровых компаний, которой может стать Pillar 1.

Тем не менее, уже определен тот факт, что ситуация извлечения прибылей иностранными компаниями из юрисдикций в которых нет физического присутствия или где располагаются филиалы с рутинными функциями (как правило, дистрибьюторы с ограниченным риском) не подавляющее количество налоговых администраций.

При этом автор считает важным обратить внимание, как соответствуют современные механизмы налогообложения цифровых компаний существующим принципам налогообложения.

Налоговые принципы традиционно определяли и направляли развитие налоговых систем. В научной работе С.Ó. Lucas-Mas and R.F. Junquera-Varela., изданной под эгидой всемирного банка «Tax Theory Applied to the Digital Economy: A Proposal for a Digital Data Tax and a Global Internet Tax Agency», авторами определяется положение, согласно которому определяется несоответствие всех предлагаемых механизмов налогообложения цифровых компаний существующим принципам.

Так, например, авторы рассматриваемой работы выделяют для обсуждения:

1) принцип равенства налогообложения – выделяется, что, например, онлайн-маркетплейсы, являющиеся схожими по бизнес-структуре с обычными магазинами, являются цифровыми компаниями, так как торгуют по миру без физического присутствия в странах источниках дохода, но несмотря на это, несут схожие затраты на содержание складов, офисов и гораздо больше денег тратят на рекламные компании ввиду отсутствия живых точек сбыта.

2) принцип выгоды – авторы выделяют, что принцип строится вокруг правила, согласно которому, что что налоговое бремя должно распределяться в соответствии с выгодами, которые налогоплательщики получают от государственных товаров и услуг, которые могут носить конкретный или общий характер. В то время как этот принцип более очевиден для физических лиц, которые получают выгоду от государственных услуг, таких как здравоохранение, образование, полиция, пожарная охрана или оборона, он также актуален для юридических лиц, которые получают выгоду от создания государством правовых структур для надлежащего функционирования их бизнеса – например, в виде стабильных нормативно-правовых условий, защиты интеллектуальной собственности и капитала фирмы, обеспечение соблюдения законов о защите прав потребителей или хорошо развитой транспортной, телекоммуникационной, коммунальной и других инфраструктур. При этом, в случае, если платит иностранная компания без физического присутствия, очевидно, что она не претендует ни на одни из вышеуказанных гарантий;

3) принцип нейтральности – согласно принципу, налоги не должны ни искажать экономические решения, ни вмешиваться в инвестиционные и расходные решения предприятий. В этой связи налоговая политика, которая систематически отдает предпочтение одному виду экономической деятельности перед другим, может привести к нерациональному распределению ресурсов или, что еще хуже, к схемам, единственной целью которых является использование такого льготного налогового режима. Если частные лица или предприятия принимают свои инвестиционные или расходные решения на основе налоговых предпочтений, а не по собственным предпочтениям, то налоговая система не соответствует принципу нейтральности и может привести к негативным экономическим последствиям в долгосрочной перспективе. При этом, желание имплементировать оборотные налоги на все цифровые компании не может соответствовать такому принципу.

4) принцип налоговой суверенности – налогообложение всегда было ключевой особенностью государственного суверенитета. Однако цифровая экономика может создать новую угрозу налоговому суверенитету в виде дополнительного конкурентного давления со стороны других юрис-

дикций, претендующих на новые налоговые права. Более конкретно, рыночные юрисдикции, в которых иностранные цифровые компании работают без какого-либо физического присутствия, начали требовать новых налоговых прав на доходы, полученные от цифровой деятельности, осуществляемой в пределах их границ. Эти юрисдикции утверждают, что ценность создается на их территории и что цифровые компании извлекают выгоду из данных и контента, предоставленных пользователями, находящимися в рыночных юрисдикциях. Исходя из этой точки зрения, эти страны пытаются создать новые налоговые права и установить новые правила распределения доходов и прибыли, которые могут оправдать их претензии на дополнительные налоговые права в отношении доходов, полученных иностранными цифровыми компаниями (налоги на цифровые услуги, уравнивательные сборы, значительное экономическое присутствие). Действительно, как уже рассматривалось ранее, некоторые страны уже ввели односторонние налоговые меры в этом направлении.

Стремление вводить механизмы налогообложения цифровых компаний с первого взгляда соответствуют принципу налоговой суверенности, однако без какого-либо физического присутствия или каких-либо льгот, полученных от государства-источника, единственным аргументом, оставшимся для обоснования налоговых претензий в отношении доходов цифровых компаний-нерезидентов, является рассмотрение местных пользователей, которые предоставляют данные и контент, как часть государства-источника. Этот аргумент не следует принимать. Правительства не могут незаконно присваивать данные и контент, созданные пользователями, и рассматривать их как государственные льготы, предоставляемые нерезидентам, особенно если они не внесли свой вклад в создание таких данных или цифрового контента. Более того, многие из этих пользователей могут даже не быть гражданами или налоговыми резидентами таких рыночных юрисдикций (туристы, которые потребляют цифровой контент во время отпуска).

Более того, важно помнить, что такие пользователи не предоставляют данные и контент бесплатно. Предприятия предоставляют пользователям компенсацию в натуральной форме в виде бесплатного доступа к цифровому контенту и платформам, за получение которых пользователям в противном случае пришлось бы платить. Таким образом, цифровые компании, разрушающие налогообложение, не получают неоплаченной выгоды от пользователей и еще меньше выгоды от правительств рыночных юрисдикций. Вместо этого реальная ценность для цифрового бизнеса заключается в методологии и технологии, используемых для обработки данных с помощью их собственных технологий цифровой автоматизации (хранение данных, интеллектуальный анализ данных, анализ данных, визуализация данных) с целью извлечения товарной информации

(наборы данных сегментации на основе пользователей), которые могут быть монетизированы. Как мы уже видели, большинство цифровых и разрушительных для налогообложения цифровых бизнес-моделей даже не извлекают выгоды из данных и контента, предоставленных пользователями (онлайн-продажа, лицензирование и подписка на непользовательский цифровой контент; онлайн-регулируемые виды деятельности, такие как банковское дело, страхование или азартные игры), которые автоматически отбрасывают такое обоснование. По этим причинам налогообложение источников не может применяться к таким бизнес-моделям нерезидентов.

Такая позиция авторов научной работы, выпущенной под эгидой всемирного банка особенно интересно рассматривать через призму того факта, где располагается штаб-квартира банка и кто ее руководитель. Однозначно, США преследует цели защиты своего налогового суверенитета, понимая, что основными целями налогообложения налогов на цифровые услуги, уравнительных сборов или будущего Pillar 1 являются крупнейшие американские корпорации.

Все это определяет то, что выводам исследователей предлагаемые сегодня со стороны европейских стран и ОЭСР механизмы не соответствуют принципам налогообложения и должны быть пересмотрены.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к заключению, что даже с научной точки зрения предлагаемые реформы в сфере налогообложения цифрового бизнеса не в полной мере отвечают всем критериям теоретической стороны науки о налоговых правоотношениях, но в тоже время, если не менять или модернизировать существующие теоретические основы, цифровой сектор экономики сможет прийти в такой модели, где налоги не будут уплачиваться. Авторы рассматриваемой работы не учитывают во внимание, что ведущие цифровые корпорации как правило создают центры прибыли в низконалоговых юрисдикциях с отсутствием каких либо подоходных налогов, тем самым в целом нарушая существующие принципы налогообложения, когда получая выручку по всему миру, все блага не распределяются в тех странах, чьи граждане выбирают услуги таких компаний, что существенно повышает их чистую прибыль.

Литература

1. URL: <http://www.oecd.org/tax/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy-action-1-2015-final-report-9789264241046-en.htm>;
2. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/communication_fair_taxation_digital_economy_21032018_en.pdf;

3. Налоговая теория в применении к цифровой экономике: предложение по налогу на цифровые данные и глобальному налоговому агентству в Интернете Кристиан Оливер Лукас-Мас и Рауль Феликс Хункера-Варела, ISBN 978-1-4648-1654-3, ISBN 978-1-4648-1655-0;
4. Масгрейв, Р. 1986. «Природа горизонтального капитала и принцип широкого налогообложения: дружественная критика». В области государственных финансов в демократическом обществе: основы налогообложения и расходов, т. 3, гл. 9. Нью-Йорк: Издательство Нью-Йоркского университета.
5. ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). 2019. «Роль цифровых платформ в сборе НДС / GST при онлайн-продажах». ОЭСР, Париж, март.

IMPROVING THE TAXATION OF DIGITAL BUSINESS

Shilin Li.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The subject of the research is the compliance of the existing taxation mechanisms of digital business with modern principles of taxation. Special attention is paid to the current scientific vision of whether the proposed taxation systems for digital services are fair in the world and whether they are fair in relation to digital companies. It examines the grounds on which jurisdictions of sources of income of foreign companies may have the right to tax their income, and what mechanisms are most appropriate and advise modern challenges. The author also notes that in a situation where modern digital companies often use low-tax jurisdictions, it is impossible to apply modern principles of taxation to them. The main findings of the study are that global tax administrations are putting tax sovereignty on their states by introducing unilateral taxation mechanisms for digital companies. At the same time, some authors point out that such a policy of world administrations does not correspond to the four most important principles of taxation. The scientific novelty of the research is based on the importance of transformation processes in taxation of digital business, and its relevance in the modern OECD agenda. It is also noted that the study of the compliance of digital business taxation mechanisms with the current principles of taxation is a new experience for the entire world scientific community.

Keywords: digital services, digital services tax, taxation of digital companies, OECD, digitalization, principles of taxation, principle of neutrality, principle of horizontal equality, principle of benefits, principle of tax sovereignty.

References

1. URL: <http://www.oecd.org/tax/addressing-the-tax-challenges-of-the-digital-economy-action-1-2015-final-report-9789264241046-en.htm>;
2. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/communication_fair_taxation_digital_economy_21032018_en.pdf;
3. Tax Theory Applied to the Digital Economy: A Proposal for a Digital Data Tax and a Global Internet Tax Agency Cristian Óliver Lucas-Mas and Raúl Félix Junquera-Varela, ISBN (paper): 978-1-4648-1654-3, ISBN (electronic): 978-1-4648-1655-0;
4. Musgrave, Richard. 1986. "The Nature of Horizontal Equity and the Principle of Broad-Based Taxation: A Friendly Critique." In Public Finance in a Democratic Society: The Foundations of Taxation and Expenditure, vol. 3, ch. 9. New York: New York University Press.
5. OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development). 2019. "The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales." OECD, Paris, March.

Экономико-математическая модель повышения эффективности управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта: концептуальный подход

Анисимов Андрей Леонидович,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра конкурентного права и антимонопольного регулирования, Уральский государственный экономический университет
E-mail: 13051957@bk.ru

Статья посвящена актуальной проблеме повышения эффективности управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта независимо от его вида экономической деятельности, организационно-правовой формы, формы собственности, объемов производства продукции и иных возможных отличий. Главная цель исследования – разработка концептуальной экономико-математической модели, позволяющей определить совокупность факторов, оказывающих влияние на конкурентоспособность участников хозяйственно-экономической деятельности. С позиций системно-целостного подхода систематизированы факторы конкурентоспособности и их составные элементы. Выявлены основные группы факторов, оказывающих влияние на эффективность управления конкурентоспособностью, представлено описание их сущности и основных элементов. Методика исследования основана на использовании методов анализа и синтеза, а также метода экономико-математического моделирования. В результате автором разработана экономико-математическая модель, позволяющая концептуально выявить основные группы факторы эффективного управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта и оценить её адекватность. При подготовке статьи использованы материалы научных исследования ряда российских и зарубежных авторов, а также материалы собственных исследований автора.

Ключевые слова Конкурентоспособность, факторы, система факторов, управление, эффективность, хозяйствующий субъект, экономико-математическая модель.

Осуществляемая в современной России экономическая деятельность достаточно наглядно демонстрирует «тенденцию усиления конкурентной борьбы как между предприятиями, так и индивидуальными предпринимателями, производящими аналогичную продукцию» [2, с. 362]. Сложилась ситуация, по мнению ряда авторов, влекущая за собой «повышение конкурентоспособности национальной экономики в целом» [2, с. 363]. Отсюда объективно возникает проблема эффективного управления конкурентоспособностью практически на всех уровнях хозяйствования.

Фактор конкурентоспособности представляет собой «причину или движущую силу того или иного процесса» [3, с. 33]. Необходимость классификации факторов конкурентоспособности любого участника хозяйственной деятельности неоднократно поддерживалась современными российскими учеными и практиками [4–6,]. Необходимость этого заключается в возможности более или менее адекватной оценки «характера влияния» на состояние конкурентоспособности субъекта, на возможность разработки и реализации оптимальных управленческих решений.

Большинство российских исследователей традиционно формируют из факторов конкурентоспособности две группы – внешние и внутренние [4–6]. Эти группы факторов можно в дальнейшем подразделить также на прямые и косвенные, объективные и субъективные и так далее, однако все имеющиеся подходы к классификации примерно одинаковы. Так, Береговая И.Б. [4, с. 90–91], к внешним факторам, в частности, относит: конкурентоспособность экономики страны; конкурентоспособность территории; конкурентоспособность отрасли; поддержка бизнеса со стороны государства; правовое экономическое регулирование; научность «экономического» управления; финансовая и налоговая государственная (и муниципальная – прим. авт.) политика; природные и климатические условия. Тем не менее, разработка концептуальной экономико-математической модели управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта требует более или менее системного подхода к классификации рассмотренных выше факторов.

Попробуем тем «систематизировать факторы, влияющие на конкурентоспособность хозяйствующего субъекта».

ющего субъекта», предпринимались рядом исследователей [4–6]. Следует отметить, что разработки успешно могут быть использованы при сведении различных по своей природе, происхождению, значимости и другим характеристикам факторов конкурентоспособности в единую систему, на основании которой разрабатывается концептуальная экономико-математическая модель управления конкурентоспособностью хозяйствующего

субъекта. По мнению автора, в качестве основы для разработки указанной модели может быть принята «классификация факторов конкурентоспособности предприятия», представленная в исследовании И.Б. Береговой [4, с. 92–93]. На рисунке 1 концептуально сформирована система факторов конкурентоспособности хозяйствующего субъекта» и их составляющих, учитывающая исследования и других авторов [Береговая, с. 92].

Факторы конкурентоспособности хозяйствующего субъекта и их составляющие		
Факторы существования и их составляющие	Факторы функционирования и их составляющие	Факторы развития и их составляющие
Макроэкономического масштаба, в том числе: – политическая составляющая; – экономическая составляющая; – социальная составляющая; – правовая составляющая; – научно-техническая составляющая; – иные составляющие макроэкономического масштаба.	Территориального масштаба, в том числе: – составляющая места нахождения субъекта; – составляющая инфраструктуры территории; – иные составляющие территориального масштаба.	Экономического масштаба, в том числе: – составляющая структуры капитала; – составляющая структуры издержек; – составляющая структуры спроса; – составляющая структуры предложения; – иные составляющие экономического масштаба.
Микроэкономического масштаба, в том числе: – составляющая поставщиков; – составляющая потребителей; – составляющая партнеров; – составляющая конкурентов; – иные составляющие микроэкономического масштаба.	Ресурсного масштаба, в том числе: – материальная составляющая; – финансовая составляющая; – составляющая человеческих ресурсов; – иные составляющие ресурсного масштаба.	Организационного масштаба, в том числе: – составляющая управленческого контроля; – составляющая организационной культуры; – составляющая способности к саморазвитию; – иные составляющие организационного масштаба.

Рис. 1. Концептуальная система факторов конкурентоспособности хозяйствующего субъекта и их составляющих

Необходимость определения причин и факторов, лежащих в основе проблемы повышения конкурентоспособности хозяйствующего субъекта и управления ею, объективно влечет за собой использование целостного подхода к пониманию её сущности и обобщения имеющихся теоретических разработок. Реализовать такой подход возможно с помощью базы имеющихся фундаментальных исследований, которые позволят провести анализ многочисленных процессов, происходящих в сфере управления конкурентоспособностью предприятия во всем их многообразии. Решение этого комплекса проблем может быть реализовано с помощью экономико-математического моделирования [7], «позволяющего упрощенно представить существующую или будущую ситуацию» [1, с. 27]. Так, «экономическая модель объясняет, как на ключевые переменные факторы, способствующие повышению или снижению конкурентоспособности, влияют социальные, экономические, идеологические или политические факторы» [1, с. 27]. «Математическое моделирование, применительно к рассматриваемой проблеме, использует функции, в которых (в математической форме) используются функции зависимости одной совокупности переменных от другой, а также графики взаимозависимости между двумя и более переменными» [1, с. 27]. Исходя из вышеизложенного,

а также общепринятых математических обозначений, концептуальная «экономико-математическая модель» [7] управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта в самом общем виде может быть представлена таким образом:

$$E_{ук} = \delta [F (X_1, X_2, \dots, X_n), \mu(V, U), \xi (R_1, R_2, \dots, R_s)], \quad (1)$$

где: $E_{ук}$ – эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

$F (X_1, X_2, \dots, X_n)$ – функция, описывающая экономические факторы; управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

$\mu(V, U)$ – функция, описывающая социальные факторы управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

$\xi (R_1, R_2, \dots, R_s)$ – функция, описывающая идеологические факторы управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта.

Аналогичным способом следует представлять и иные, перечисленные в данной статье факторы.

Формула (1) может быть расписана более детализировано:

$$E_{ук} = \delta \{ [F (X_1, X_2, \dots, X_n)], \mu [f (Y_1, Y_2, \dots, Y_m), f(Z_1, Z_2, \dots, Z_k)], \xi [f(x_1, x_2, \dots, x_n), f(y_1, y_2, \dots, y_m), f(z_1, z_2, \dots, z_k), f(u_1, u_2, \dots, u_t), f(v_1, v_2, \dots, v_i), f(q_1, q_2, \dots, q_k), f(k_1, k_2, \dots, k_i), f(h_1, h_2, \dots, h_s)] \}, \quad (2)$$

где: $F(X_1, X_2, \dots, X_n)$, $\mu[f(Y_1, Y_2, \dots, Y_m), f(Z_1, Z_2, \dots, Z_k)]$, $\xi[f(x_1, x_2, \dots, x_n), f(y_1, y_2, \dots, y_m), f(z_1, z_2, \dots, z_k), f(u_1, u_2, \dots, u_t), f(v_1, v_2, \dots, v_i), f(q_1, q_2, \dots, q_k), f(k_1, k_2, \dots, k_i), f(h_1, h_2, \dots, h_s)]$ – детализированные функции, описывающие экономические, социальные и идеологические факторы управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта, а также внутреннее содержание этих факто-

ров (например, состояние показателей, характеризующих экономическое положение хозяйствующего субъекта, степень социального (и материального) расслоения сотрудников (общества), состояние государственной экономической, промышленной, научно-технической или технологической политики), включая тот или иной вид экономической деятельности [8, с. 823].

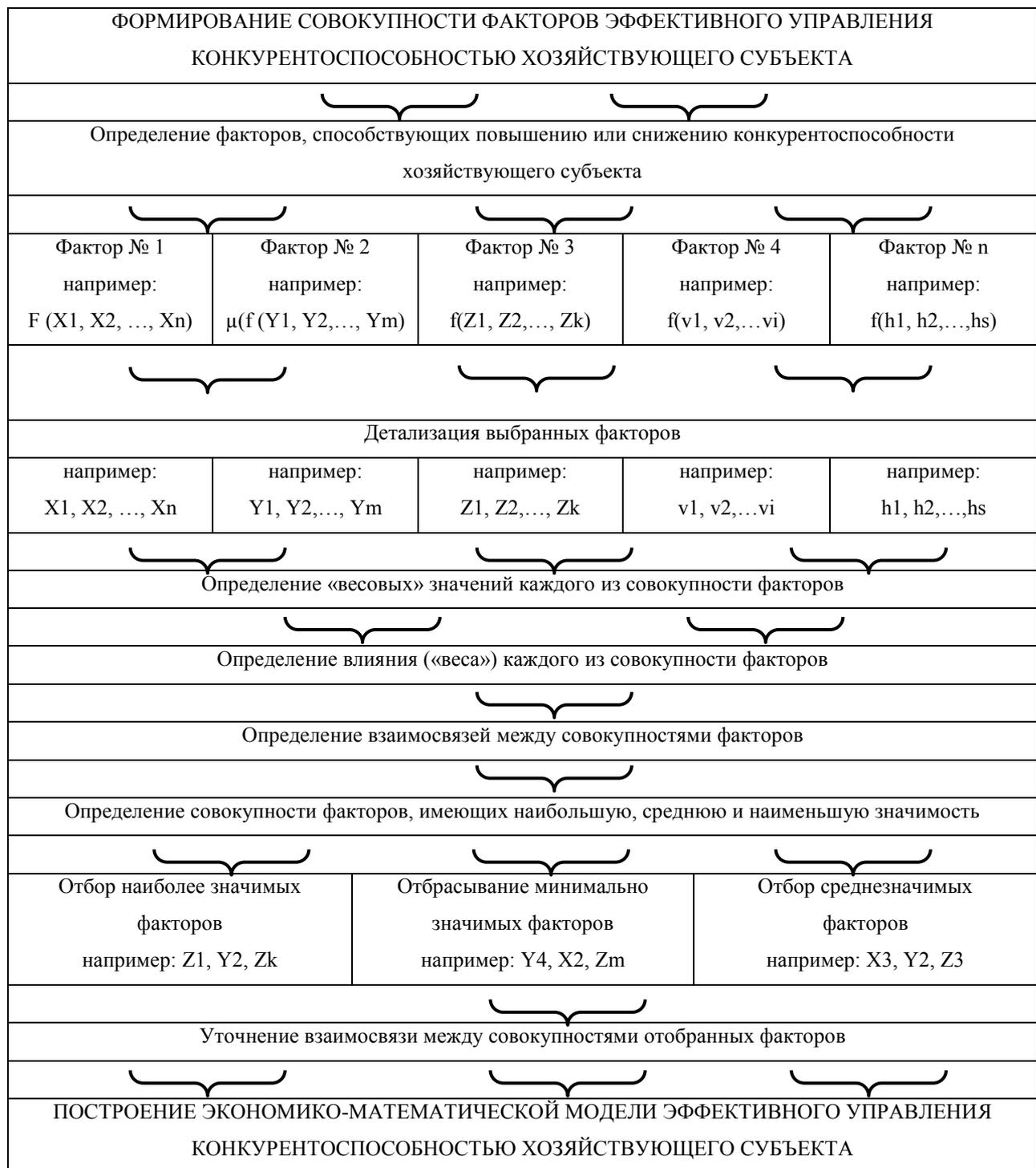

Рис. 2. Концептуальная экономико-математическая модель эффективного управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта

В целях формирования концептуальной экономико-математической модели повышения эффективности управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта необходимо решить следующие основные задачи:

1) определить совокупность факторов, оказывающих влияние на эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта, то есть $F(X_1, X_2, \dots, X_n)$, $\mu[f(Y_1, Y_2, \dots, Y_m), f(Z_1, Z_2, \dots, Z_k)]$, $\xi[f(x_1, x_2, \dots, x_n), f(y_1, y_2, \dots, y_m),$

$f(z_1, z_2, \dots, z_k), f(u_1, u_2, \dots, u_t), f(v_1, v_2, \dots, v_i), f(q_1, q_2, \dots, q_k), f(k_1, k_2, \dots, k_i), f(h_1, h_2, \dots, h_s)$];

2) выявить взаимосвязь и взаимодействие представленной совокупности факторов;

3) выявить влияние (весовое значение) каждого из факторов;

4) исключить часть факторов, которые оказывают минимальное влияние на эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

5) перейти от общей функции $E_{uk} = \delta \{ [F(X_1, X_2, \dots, X_n)], \mu(f(Y_1, Y_2, \dots, Y_m), f(Z_1, Z_2, \dots, Z_k), \xi [f(x_1, x_2, \dots, x_n), f(y_1, y_2, \dots, y_m), f(z_1, z_2, \dots, z_k), f(u_1, u_2, \dots, u_t), f(v_1, v_2, \dots, v_i), f(q_1, q_2, \dots, q_k), f(k_1, k_2, \dots, k_i), f(h_1, h_2, \dots, h_s)]] \}$ к оптимальной функции E_{uopt} :

$$E_{uopt} = \delta_{opt} (F_{opt}, \mu_{opt}, \xi_{opt}), \quad (6)$$

где: E_{uopt} – оптимальная (наиболее вероятная при данных условиях) эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

F_{opt} – факторы экономического характера, влияющие на оптимальную эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

μ_{opt} – факторы социального характера, влияющие на оптимальную эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

ξ_{opt} – факторы идеологического характера, влияющие на оптимальную эффективность управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта;

б) сформировать экономико-математическую модель эффективного управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта.

Исходя из вышеизложенного, такая модель может быть представлена следующим образом:

По мнению автора, такой подход проблеме эффективного управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта приводит к реализации одного из основополагающих принципов теории управления – принципа выбора главного звена, что дает возможность определения наиболее эффективного и рационального пути решения обозначенной проблемы. Представленная модель является, конечно, концептуальной, и не охватывает всех возможных факторов повышения эффективности управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта. Как видно из вышеизложенного, при формировании модели автор использовал лишь функции, описывающие экономические, социальные и идеологические факторы управления конкурентоспособностью хозяйствующего субъекта. Естественно, что с позиций системно-целостного (комплексного) подхода необходимо выделять и иные факторы с соответствующими их составляющими, в том числе политические, правовые, организационные, ресурсные, научно-технические, технологические и иные факторы. В этом случае позволит учесть максимально возможное количество внутренних и внешних факторов, оказывающих влияние на эффективность управления конкурентоспособностью участников хозяйственной деятельности.

Литература

1. Анисимов А.Л. К вопросу о разработке экономико-математической модели оптимизации затрат регионального налогового органа на взимание налогов //ИНТЕРНЕТНАУКА.-№ 5.-2015.-С.25–35.
2. Бексултанова А. И., Аслаханова С.А., Эскиев М.А. Проблемы повышения конкурентоспособности предприятия//Молодой ученый.-2015. – № 21.-С.361–363.
3. Беленов О.Н. Конкурентоспособность стран и регионов /О.Н. Беленов, А.А. Анучин.-М.: КНОРУС, 2015.-148 с.
4. Береговая И.Б. Факторы, влияющие на конкурентоспособность предприятия //СИМВОЛ НАУКИ.-2015.-№ 12.-С.90–93.
5. Мазилкина Е.И. Управление конкурентоспособностью /Е.И. Мазилкина, Т.Г. Паничкина.-М.: Омега-Л, 2009.-328 с.
6. Некрасов С.И. Факторы организационного развития предприятия/С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова, О.В. Бусыгин.-М.: Академия естествознания, 2009.-77 с.
7. Alfredo Medio. Mathematical models in economics // MATHEMATICAL MODELS – Vol. III. – URL: www.eolss.net.
8. Tkachev S.I. Economic and mathematical modeling of quantitative assessment of financial risks of agricultural enterprises / S.I. Tkachev, L.A. Voloshchuk, Yu.V. Melnikova, T.V. Pakhomova, S.N. Rubtsova //Journal of applied economic sciences.-2018.-№ 3(57).- С.823–829.

ECONOMIC AND MATHEMATICAL MODEL OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF MANAGING THE COMPETITIVENESS OF AN ECONOMIC ENTITY: A CONCEPTUAL APPROACH

Anisimov A.L.

Ural state University of Economics

The article is devoted to the urgent problem of increasing the efficiency of managing the competitiveness of an economic entity, regardless of its type of economic activity, organizational and legal form, form of ownership, production volumes and other possible differences. The main goal of the study is to develop a conceptual economic and mathematical model that allows one to determine a set of factors that affect the competitiveness of participants in economic and economic activity. From the standpoint of a system-holistic approach, the factors of competitiveness and their constituent elements are systematized. The main groups of factors influencing the effectiveness of competitiveness management are identified, a description of their essence and main elements is presented. The research methodology is based on the use of methods of analysis and synthesis, as well as the method of economic and mathematical modeling. As a result, the author has developed an economic and mathematical model that allows to conceptually identify the main groups of factors of effective management of the competitiveness of an economic entity and assess its adequacy. In preparing the article, the materials of scientific research of a number of Russian and foreign authors, as well as materials of the author's own research, were used.

Keywords: Competitiveness, factors, system of factors, management, efficiency, economic entity, economic and mathematical model.

References

1. Anisimov A.L. On the development of an economic and mathematical model for optimizing the costs of a regional tax authority for levying taxes // INTERNETNAUKA. – № 5.-2015.-P.25–35.
2. Beksultanova A. I., Aslakhanova S.A., Eskiev M.A. Problems of increasing the competitiveness of the enterprise // Young scientist.-2015. – № 21.-C. 361–363.
3. Belenov ON Competitiveness of countries and regions / O.N. Belenoa, A.A. Anuchin.-M.: KNORUS, 2015.-148 p.
4. Coastal I.B. Factors affecting the competitiveness of the enterprise // SYMBOL OF SCIENCE.-2015.-№ 12.-P.90–93.
5. Mazilkina E.I. Competitiveness Management / E.I. Mazilkina, T.G. Panichkina.-M.: Omega-L, 2009.-328 p.
6. Nekrasov S.I. Factors of organizational development of the enterprise / S.I. Nekrasov, N.A. Nekrasova, O.V. Busygin.-M .: Academy of Natural Sciences, 2009.-77 p.
7. Alfredo Medio. Mathematical models in economics // MATHEMATICAL MODELS – Vol. III. – URL: www.eolss.net.
8. Tkachev S.I. Economic and mathematical modeling of quantitative assessment of financial risks of agricultural enterprises / S.I. Tkachev, L.A. Voloshchuk, Yu.V. Melnikova, T.V. Pakhomova, S.N. Rubtsova // Journal of applied economic sciences.-2018.-№ 3 (57). – pp. 823–829.

Особенности отношения сотрудничества и использования ресурсов в сетевых структурах

Афанасьев Пётр Валерьевич,

аспирант, Кафедра «Экономика и менеджмент», Московский финансово-юридический университет (МФЮА)
E-mail: pv.org@ya.ru

Актуальность статьи обусловлена тем, что сеть становится значимой экономической концепцией, активно данное понятие используется в категориях сотрудничества и организационных структурах. Показано, что современные отношения сотрудничества разнообразны и поддерживаются технологиями. Предложена схема использования ресурсов в сетевых структурах. Показано, что ускоряющееся технологическое обновление материальной базы сетевых систем на сегодняшний день составляет около 5 лет, а время жизни инновационной технологии составляет не более 1 года; ввиду этого особую роль в использовании ресурсов играют факторы, обусловленные человеческими ресурсами. Показана роль синергетического эффекта в коллективном объединении труда, роль бесструктурного управления в организации системных процессов.

Также, в условиях ограниченности ресурсов и постоянно растущей конкуренции регионов, стран, корпораций и организаций, необходимость совершенствования методов взаимодействия становится ежедневной насущной задачей.

Ключевые слова: ресурсы, отношения сотрудничества, конкурентоспособность субъектов, сеть, сущность.

Функционирование в современных экономических условиях зависит от активности различных участников экономической жизни, проявляющейся не только в рыночных транзакциях, но и в объединении видов деятельности, ресурсов или сущностей в сетевые системы. В сети все большее значение приобретают нематериальные активы: идеи, информация, мнения, чувства и эмоции. Они создают связи в сетях и определяют направление и формы сотрудничества.

Концепция сети чаще всего появляется в контексте информационных технологий и Интернета, но также является результатом взаимного доверия или сообщества устремлений. Цели экономических сетей рассматриваются в широком контексте как измерения технического и технологического прогресса (сетевая экономика) и социального, культурного и цивилизационного прогресса (сетевое общество). Экономическая сеть, характеризующаяся взаимозависимостью сообществ, может заменить традиционно понимаемые способы функционирования экономики, такие как иерархия или конкуренция [7].

Сеть работает в ситуации отказа традиционных экономических регуляторов, которыми являются рынок и иерархия. Воздействие сети на систему регулирования экономики носит, прежде всего, качественный характер и поддерживает экономику на микро (предприятие, учреждение), мезо(отрасль), локальном (регион), макро (государство) и глобальном (мире). Сети укрепляют участников рынка и государство, повышая их гибкость, специализацию и инновации. Создание сети является частью более широкого процесса изменений, происходящих в результате современного развития и вызовов конкуренции. Они настолько проникают в настоящую жизнь, что сетевая концепция становится повсеместной [5].

Сеть – это одновременно современная форма организации, стиля управления и форма организации отношений между участниками. В сети границы между элементами размыты. Это связано как с меньшей важностью формальных ограничений, так и с установлением приоритетов в отношениях между элементами и внутри них. Сетевые механизмы, интерпретируемые как социальные отношения, вытекающие из социологических и психологических, а также культурных предпосылок, всегда воспринимались как «фон формальной организации». Они применялись ко всем видам межличностных отношений и поведения, которые не были включены в шаблон [4].

Обычно в этой связи использовался термин «неформальная организация» и в лучшем слу-

чае предостерег от «политического влияния неформальных групп» или влияния «неформального поведения» на функционирование институтов. Формирование и функционирование сетевых организаций можно организовать, взяв за отправную точку две категории, а именно координацию и конфигурацию. Координация – это организация действий, выполняемых совместно многими людьми таким образом, чтобы обеспечить их курс без столкновений. Возможны различные формы координации деятельности, выполняемой в разных местах, включая установление общих стандартов, обмен информацией и определение ответственности за отдельные места. Таким образом, координация может использовать дисперсию операционной деятельности.

При координации ключевой вопрос заключается в том, как и когда информация, технологии и определенные типы знаний, полученные из разных мест, будут намеренно интегрированы. Конфигурация фокусируется на структуре сети, возникающей в результате распределения действий, что приводит к разделению задач и созданию взаимосвязей между элементами сети. Под сетью здесь понимается система узлов (сущностей), созданная добровольно с целью сотрудничества в стратегической перспективе, которая [1, 8]:

- обеспечивает выживание организации или укрепляет ее позиции среди конкурентов на основе отношений многостороннего сотрудничества,
- позволяет сосредоточиться на ключевых навыках, которые активируются и используются скоординированным образом, обеспечивая интеллектуальное коллективное использование сетевых ресурсов и потенциала знаний,
- ограничены из-за необходимости гарантировать управляемость сети.

Сетевые системы управления создаются в ситуации, когда существует стратегический потенциал между партнерами организации, создающий добавленную стоимость, что является тем же фактором, который создает конкурентоспособность субъектов, включенных в сеть, но также и при наличии конкретных ситуационных условий, способствующих их созданию. создание, таких как, среди прочего: – непредсказуемость, неопределенность и волатильность рынка, – неспособность совершить стратегические закупочные действия со стороны конкурентов из отрасли или за ее пределами на привлекательном рынке, – отсутствие интереса при совершении покупки в результате непривлекательного характера рынка или преобладания конкуренции, – транзакционные издержки, которые сложно подсчитать, – случайный характер совместно реализуемых проектов [2].

Таким образом, сущность сетевой организации заключается в получении синергетического эффекта за счет сотрудничества многих партнеров, и этот эффект достигается за счет адаптации операционной деятельности участника сети к стратегии всей сети. Межорганизационные сети соз-

даются с целью реализации конкретной стратегической идеи, которая лишь вторично переводится в тактическую и оперативную деятельность. Ключом к определению сетевой организации является утверждение, что сети должны создавать определенную дополнительную ценность по отношению к той, которая составляет сумму отдельных действий. Потенциал сети для поглощения инноваций выше, чем в случае отдельных организаций, из-за диверсификации затрат на внедрение и связанных с этим рисков. Сеть создается, когда есть сходство (сходство): сфера деятельности (продукт, рынок, целевая группа покупателей), используемые технологии или знания и методы работы. Если хозяйствующие субъекты не демонстрируют такой конвергенции, то за счет интеграции они не могут добиться синергетического эффекта.

Организационными особенностями сети являются:

- 1) взаимная координация действий и корректировка в сфере операционных процедур,
- 2) совместное принятие решений в обозначенной области сотрудничества,
- 3) намерение сотрудничать охватывающий более длительный временной горизонт и ориентированный на выполнение функции (повторяющийся характер сотрудничества),
- 4) доступность информации об участниках сети.

Модельные решения в сетях являются результатом намеренно созданных отношений сотрудничества, которые можно отобразить в виде матрицы. Создание сети является результатом поиска новых форм реализации задач. В литературе часто подчеркивается, что участие в сетях является источником конкурентного преимущества по отношению к организациям за пределами сети [3, 6]. При этом конкурентное преимущество участников сети строится на основе доступа к уникальным внутренним ресурсам других объектов в сети и дополнительному потенциалу, создаваемому участниками сети.

Основным элементом современных организационных структур являются сети информационных связей, которые позволяют обмениваться знаниями и перемещать знания и интеллект. Это связано с так называемой сетевой логикой любого набора отношений, в котором используются новые информационные технологии. Следовательно, морфология сети, по-видимому, хорошо подходит для растущей неопределенности и сложности окружающей среды. Сети организаций или учреждений (также сети, состоящие из сетей) принимают различные формы.

Такая метасеть может иметь «центр» – как и в холдинговой структуре, она может напоминать матричную структуру или иерархию. Ее форма зависит от объема мощности конкретного сетевого элемента, а также от отношений между узлами (участниками), сформированных во время создания и функционирования сети. В сетях, управляемых одним объектом (тип 1, иногда 3), часто воз-

никает асимметрия знаний. Субъекты с большим организационным и технологическим потенциалом могут играть роль доминирующих лиц, принимающих решения, или передающих знания участникам сети. В таких ситуациях также может происходить так называемая диффузия классифицированных знаний, когда материнская компания предоставляет участникам знания, которые не широко доступны на рынке, их можно использовать для ведения и развития своей индивидуальной деятельности. Однако обычно доминирующий объект в сети предоставляет только определенную часть явных (стандартных) знаний, необходимых для достижения общих целей.

Это интегрированное знание носит глобальный характер и описывает, среди прочего, такие явления, как: возможности работы всей сети; распределение спроса и предложения товаров / услуг, предлагаемых сетью; мировой технический прогресс; изменения в правилах, регулирующих деятельность.

В матричных сетях (тип 3) обычно передаются знания, необходимые для реализации краткосрочных проектов. Такие знания могут также создаваться в рамках индивидуальных совместных предприятий, особенно инновационного и научно-исследовательского характера. Участники такой сети в основном играют роль равных партнеров, и каждый из них может быть как сетевым интегратором, так и участником.

Среди множества типов можно выделить четыре четко различимых сетевых системы:

- кооперативные сети, созданные в результате аутсорсинга, даже в значительных сферах деятельности, из однородной организационной структуры головного предприятия, в соответствии с принципом, что все виды деятельности по обслуживанию и те, которые могут быть выполнены в любой точке мира, лучше и дешевле вытесняются »за пределы организации, и остаются только базовые навыки, дающие конкурентное преимущество в данной конфигурации; таким образом создается совместная сеть создания ценности, то есть сеть организаций, которые совместно предоставляют ценность целевой группе клиентов;
- виртуально реализованные проекты, реализуемые независимыми организациями, связанными с ИТ-технологиями, каждый раз с разной конфигурацией (несмотря, например, на одну и ту же компанию-интегратор);
- различные типы союзов, в основном стратегические союзы, понимаемые как партнерские соглашения, соглашения, заключаемые между конкурентами, которые временно или в определенной степени ограничили свое конкурентное поведение;
- экономические сети в форме кластеров, то есть географические кластеры взаимосвязанных предприятий, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, предприятий, работающих в связанных секторах, и связанных учреж-

дений (например, многофункциональные комплексы сферы коммерческой недвижимости) в конкретных областях, конкурирующих друг с другом, но также сотрудничающих.

На основании вышеизложенного нами была разработана структура контуров использования ресурсов в сетевых структурах, которая состоит из трех блоков, выполняющих предназначенные им функции и способствующих эффективно-му развитию с учетом отраслевой специализации, специфики деятельности:

- отношения – это система отношений, которая возникает в процессе функционирования сетевой структуры и основана на особом порядке рассмотрения и согласования действий, отношения зависят от иерархической, организационной, функциональной, производственной и других видов деятельности;
- субъекты отношений, которыми являются все участники взаимодействия функционирования сетевой структуры, которых можно разделить по различным категориям: менеджеры; сотрудники; инвесторы; заказчики, исполнители, потребители и т.д.
- механизмы формирования контуров циркуляции ресурсов, которые отражают совокупность последовательных взаимосвязанных аналитических блоков и комплексов действий и иллюстрируют сложную схему анализа, планирования и прогнозирования развития сетевой структуры.

С точки зрения таких атрибутов как: возможность планирования деятельности, степень формализации отношений сотрудничества, независимость участника, неоднородность партнеров, количество партнеров, открытость сети и направленность деятельности. Из участников сети можно выделить как минимум семь различных схем взаимодействия сетей. При анализе возможных систем сил в сетях обычно выделяют два аспекта отношений:

- степень строгости связи и степень паритета во взаимоотношениях, что позволяет выделить четыре различных типа силовых систем, возникающих в отношениях между партнерами;
- взаимная независимость, что означает, что предприятия участвуют в сотрудничестве только на своих условиях и могут выйти из него в любой момент; ни одна организация не имеет значительного влияния на другую;
- неравная независимость, которая возникает, когда два экономических субъекта свободно сотрудничают, и один из них имеет больше власти (например, свободу действий или ресурсов), чем другой;
- взаимозависимость (взаимозависимость) возникает, когда хозяйствующие субъекты связаны очень тесным сотрудничеством, они в равной степени зависят друг от друга и ни один из них не имеет явного преимущества перед другим;
- неравная зависимость, что означает, что субъекты связаны тесными отношениями, характе-

ризующимися асимметричным распределением власти, одна из субъектов способна доминировать над другими; такие отношения напоминают иерархическое устройство.

Направление развития межорганизационных отношений зависит не только от целей, которых хотят достичь партнеры, но и от таких детерминант, как: – возможность налаживания отношений – все ли стороны принимают принципы сотрудничества, – срочность – сотрудничество выглядит иначе, когда партнеры испытывают нехватку времени, желая использовать возможность (например, крайний срок подачи заявки на финансирование совместного предприятия), или когда они могут медленно, осторожно, адаптивно, систематически добиваться поставленных целей, – интенсивность – частота и регулярность взаимных контактов и вероятность их продолжения влияют на отношения между субъектами – распределение власти – существующие властные отношения между субъектами часто определяют возможность оказания влияния на других, то есть объем власти.

Стоит отметить, что нет рекомендуемого шаблона отношений, и нет никаких оснований предполагать, что отношения, созданные для одного проекта, должны продолжаться после его завершения. Сетевое взаимодействие может способствовать развитию специализации и сосредоточению внимания на ключевых навыках конкретного экономического субъекта. Это явление иногда называют совместной специализацией и аналогично симбиозу. В процессе сотрудничества двух субъектов создается новая («третья») система.

Это обусловлено организационными системами сотрудничающих партнеров, которые не зависят от окружающей среды – они таковы, как спроектированы, и их устойчивость к изменениям или приспособляемость зависит от структуры системы, а не от типа нарушения. Это означает, что для сотрудничества требуются социальные системы, а не сети. Этот факт отличает (временную) систему сотрудничества от сети, которая потенциально может существовать также без создания совместных предприятий.

Таким образом, динамическая сеть становится символом науки, как единственной организации, способной к развитию, свободной от установок или свободного обучения, способной сдерживать множество действительно расходящихся друг с другом элементов. С этой точки зрения сеть – лучшее возможное решение проблемы разнообразия. Сплоченность сети строится на основе взаимного дополнения участников, что обеспечивает разнообразие ее составляющих. Сеть должна защищать и направлять инициативы, проявляемые отдельными элементами. Характеристики такой продуманной сети включают: – цель – создание чувства идентичности, которое позволяет эффективно управлять ресурсами, участниками и их деятельностью таким образом, чтобы обеспечить реализацию предполагаемых стра-

тегия; – высокий уровень специализации участников; – структура сети, часто определяемая целью или спецификой решаемой проблемы; – координация на основе самоорганизации, решения проблем, вовлеченности сотрудников; – спонтанность; – низкая формализация – мало письменных правил, спонтанный поток информации через сеть, ресурсы знаний, воспринимаемые как общее благо, доступное каждому.

Обобщая изложенное выше, можно подчеркнуть, что управление сетью приводит к созданию потенциала для возможного дальнейшего сотрудничества в форме поддержания контактов, приобретения и взаимной информации. Однако неизвестно, чего ожидать от возможного сотрудничества. Здесь важно выстраивать систему сотрудничества и заботиться о надежном сотрудничестве. В то же время возникают дилеммы и парадоксы, и для их решения необходимо найти инструменты, которые будут способствовать принятию решений в контексте сетевой динамики. Проявлением этой динамики является непредсказуемость реализации основных функций управления, таких как: планирование, организация, управление или контроль.

Литература

1. Абрамов В.Г., Горячая И.В., Пучкин Д.А. Оценка качества сетевых графиков в управлении проектами // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. № 1. С. 92–98.
2. Авцинов И.А., Емельянов А.Е., Ивлиев М.Н. Исследование влияния буферизации данных на качество управления в сетевых системах // Вестник ТГТУ. 2019. № 1. С. 63–71.
3. Мун Де Ен, Копту Л.И. Система сетевого планирования и управления в современной экономике // Colloquium-journal. 2019. № 26 (50). С. 176–178.
4. Наумова О.В. Технологии сетевого управления в контексте социокультурных изменений // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 143–146.
5. Оруджова С.А. Основы реализации сетевых структур управления предприятием в экономическом пространстве региона // Вестник Академии знаний. 2018. № 6 (29). С. 217–222.
6. Спирина В.С. Обоснование необходимости учета стратегического поведения арендаторов при управлении коммерческой недвижимостью // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. № 3 (22). С. 42–52.
7. Феофилов С.В., Козырь А.В. Проектирование робастной системы управления с неопределенной задержкой в сетевом интерфейсе // Известия ТулГУ. Технические науки. 2018. № 9. С. 576–584.
8. Юнесс С., Лобусов Е.С. Применение сетей Петри для исследования сетевых систем управ-

FEATURES OF RELATIONSHIP COOPERATION AND USE OF RESOURCES IN NETWORK STRUCTURES

Afanasyev P.V.

Moscow University of Finance and Law

The relevance of the article is due to the fact that the network is becoming an important concept around which modern thinking about cooperation, dominant organizational structures and economics is concentrated. It is shown that modern cooperative relationships are diverse, extensive and supported by technology. A diagram of the contours of the use of resources in network structures is proposed.

The accelerating technological renewal of the material base of network systems today is about 5 years, and the lifetime of an innovative technology is no more than 1 year; therefore, human factors play a special role in the use of resources. The role of the synergetic effect in the collective unification of labor, the role of unstructured management in the organization of systemic processes is shown.

Also, in conditions of limited resources and constantly growing competition between regions, countries, corporations and organizations, the need to improve the methods of interaction becomes a daily pressing task.

Keywords: resources, cooperation relations, competitiveness of subjects, network, essence.

References

1. Abramov V.G., Goryachaya I.V., Puchkin D.A. Assessment of the quality of network diagrams in project management // Modern information technologies and IT education. 2019. No. 1. S.92–98.
2. Avtsinov I.A., Emelyanov A.E., Ivliev M.N. Investigation of the influence of data buffering on the quality of control in network systems. Vestnik TSTU. 2019. No. 1. S.63–71.
3. Moon De En, Koptu LI The system of network planning and management in the modern economy // Colloquium-journal. 2019. No. 26 (50). Pp. 176–178.
4. Naumova O.V. Technologies of network management in the context of socio-cultural changes // Society: philosophy, history, culture. 2017. No. 7. Pp. 143–146.
5. Orudzhova S.A. Fundamentals of the implementation of network structures of enterprise management in the economic space of the region // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2018. No. 6 (29). S.217–222.
6. Spirina V.S. Justification of the need to take into account the strategic behavior of tenants in the management of commercial real estate // Izvestiya vuzov. Investments. Building. The property. 2017. No. 3 (22). S.42–52.
7. Feofilov S.V., Kozyr A.V. Designing a robust control system with an indefinite delay in the network interface. Izvestiya TulGU. Technical science. 2018. No. 9. S.576–584.
8. Youness S., Lobusov E.S. Application of Petri nets for the study of network control systems // Engineering journal: science and innovations. 2019. No. 7 (91). S. 3.

Мамбетшаева Анна Энверовна,

специалист, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: anna_anna1806@mail.ru

В данной статье проведен анализ экономической безопасности национального хозяйства России и выявлены основные проблемы ее обеспечения. Целью статьи является исследование основных направлений обеспечения экономической безопасности национального хозяйства России.

Проведенный анализ показателей системы экономической безопасности РФ показал, что она является достаточно устойчивой, однако наблюдается тенденция роста внешнего и внутреннего долга, превышающая по некоторым показателям пороговые значения, недостаточный уровень ФНБ, а также снижение золотовалютных запасов. В статье показано, что оценка экономического развития РФ в течение 2015–2020 гг. позволяет сделать вывод об умеренной адаптации российской экономики к режиму международных санкций, которая удостоверяется восстановлением положительных темпов экономического роста в течение 2016–2019 гг. после падения в 2015 г. Этому способствовали повышение цен на нефть и достаточно успешные внутренние программы импортозамещения.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальное хозяйство, пороговые значения, пандемия COVID-19, устойчивость, санкции.

Введение

Экономическая безопасность является актуальным явлением любого современного государства и общества. Процессы, которые происходят в указанных структурных элементах, прошли определенный этап исторического развития. В условиях глобализации экономических отношений, стремительного роста взаимосвязей и взаимозависимостей национальных экономик, интенсификации вызовов, рисков и угроз экзогенного происхождения возникает объективная необходимость повышения конкурентоспособности национальной экономики на принципах инновационного развития как стратегического направления обеспечения экономической безопасности государства. Противодействие реализации потенциальных угроз в контексте повышения интенсивности интеграционных процессов возможна при условии ликвидации реальных системных угроз, что является необходимым условием развития национального хозяйства. Этим и обусловлена актуальность данной темы исследования.

Обзор литературы. Фундаментальные основы исследования вопроса обеспечения экономической безопасности сформированы в научных трудах отечественных исследователей, среди которых выделяют: К.В. Сенчагова, Л.И. Абалкина, С.Н. Сильвестрова, М.И. Кротова, В.И. Мунтияна, Л.П. Гончаренко, В.В. Красновой, А.А. Ковалева, В.В. Лихолетова, Д.В. Трошина, Т.И. Безденежных, Е.Е. Шарафановой, В.К. Крутикова, Т.В. Дорожкиной, О.И. Костиной, М.В. Якуниной и др.

Защита национального хозяйства является ключевым направлением государственной политики любого государства. Как и все другие направления национальной безопасности, экономическая безопасность является обеспечением не только развития страны и улучшения благосостояния ее граждан, но также считается залогом самого существования современного независимого государства. В последние несколько лет создание условий для эффективной защиты национальной экономики становится объективной необходимостью. По мере роста социальных обязательств государства и воплощения в жизнь множества проектов развития национальной промышленности, сельского хозяйства, современных технологий имеет место настоятельная потребность производить сбор налогов, защищать отечественных производителей товаров народного потребления. Особенно остро эта проблема требует внимания в связи с расширением и укреплением деловых связей со странами всего мира, с одной стороны, и введением режима экономических санкций в от-

ношении Российской Федерации рядом западных стран – с другой [10, с. 120].

Сегодня Российская Федерация находится на этапе своего развития, который определяется тенденциями к укреплению государственной власти, усилением роли государства в системе управления экономикой, ростом активности в противодействии коррупции и преступлениям в экономической сфере как реальной угрозой экономической безопасности государства. Особую актуальность на современном этапе приобретает исследование направлений, путей, способов обеспечения национальной, в особенности – экономической, безопасности [8, с. 11].

Современные авторы чаще всего выделяют следующие детерминанты (критерии) экономической безопасности: уровень и качество жизни населения; уровень инфляции; уровень безработицы; экономический рост; дефицит бюджета; деятельность теневой экономики; состояние экологии. Так, Д.В. Трошин в качестве показателей экономической безопасности выделяет макроэкономические показатели (индекс физического объёма валового внутреннего продукта (ВВП), индекс национального богатства, валовой национальный располагаемый доход), показатели бюджетной устойчивости (норма сбалансированности государственного консолидированного бюджета, норма доходов и норма расходов государственного бюджета), показатели долговой устойчивости (норма внутреннего и внешнего государственного долга), показатели обеспечения жизненного уровня населения (обеспеченность населения основными товарами, индекс доходов домашних хозяйств на душу в месяц, уровень расслоения населения по уровню доходов), показатели социальной стабильности (уровень безработицы), показатели, характеризующие эффективность экономики (производительности труда, норма прибавочной стоимости, уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации), показатели ресурсной обеспеченности (износ основных фондов, достаточность природно-ресурсной базы экономики, достаточность производства энергии для внутренних нужд, уровень достаточности трудовых ресурсов), показатели устойчивости финансовой системы (уровень монетизации экономики, платежный баланс, показатели финансовой устойчивости и рентабельности организаций, уровень использования внутренних инвестиционных ресурсов для развития экономики и др.).

В России законодательное закрепление экономической безопасности в нашем государстве произошло в 1996 г. В указе Президента РФ, согласно которому «экономическая безопасность представляет собой определенное состояние защиты личности, общества, а также государства в сфере экономики от возможного появления угроз, как внутригосударственных, так и внешних, и базирующееся на независимости, конкурентоспособности и развитии экономической сферы Российской Федерации» [1]. Изменением в регулировании

экономической безопасности является принятие в 2009 г. Стратегии национальной безопасности России. Основные направления данной стратегии: стремление России на вход в число пяти основных стран по объему производимого валового внутреннего продукта, а также поддержание высокого уровня национальной безопасности государства в экономической и технологической сферах [2]. Особо следует отметить стремление государства произвести импортозамещение в сфере производства товаров и услуг.

Следующим этапом развития экономической безопасности России является Стратегия национальной безопасности РФ, принятая в 2015 г. Среди основных положений, которые были отражены в ней, необходимо отметить укрепление обороноспособности государства, суверенитета, а также его территориальной целостности, поддержание социальной стабильности в обществе, повышение уровня жизни населения, развитие культурной сферы, повышение конкурентоспособности экономики, а также другие положения [3]. Для увеличения роста экономической безопасности необходимо увеличивать внутренние экономические ресурсы без привлечения внешних государств, усовершенствовать технологические возможности.

Понятие экономической безопасности исходит от понятия безопасности. По мнению С.А. Афонцева, она представляет собой определенную ситуацию, при наличии которой отсутствует опасность для имеющегося объекта или предмета со стороны других объектов и предметов, и при этом отсутствует вероятность появления опасности какого-либо вида [4, с. 38]. Также существуют различные точки зрения на понятие экономической безопасности среди ряда ученых. Интересно мнение В.Л. Тамбовцева, который под экономической безопасностью представляет совокупность имеющихся качеств элементов подсистемы экономической безопасности, которые направлены на установление целей, определенных системой государства [13, с. 16]. По мнению В.А. Савина, экономическая безопасность представляет собой систему защиты необходимых для жизнедеятельности интересов государства, среди которых закреплены народное хозяйство, автономные субъекты государства, подразделения хозяйства, различные субъекты, осуществляющие экономическую деятельность в хозяйственной сфере хозяйства [11, с. 90].

Определение экономической безопасности представляет собой определенную сложность при его установлении, в связи с этим предлагаю выделить три ключевых критерия, которые должны учитываться при создании указанного понятия. В первую группу критериев входят интересы государства, населения, членов общества. Во вторую группу критериев можно отнести стабильность и устойчивость, эффективное развитие национальной экономики государства, а также социальной подсистемы государства. К третьей группе следует отнести самостоятельность внутреннего

развития экономики государства без проводимой внешней политики (рис. 1).

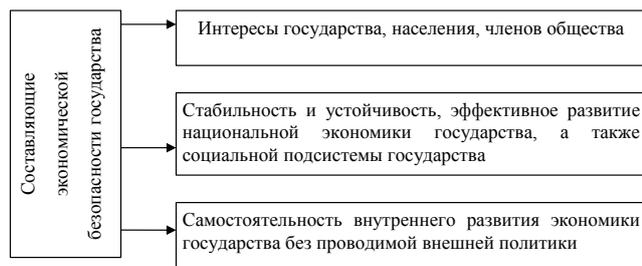

Рис. 1. Критерии, учитываемые при создании понятия «Экономическая безопасность»

Источник: составлено автором на основе: [7, с. 450]

В структуру экономической безопасности входит ряд элементов. К первому элементу стоит отнести экономическую независимость, выражающуюся в проводимой внутренней политике государства по развитию производства, научно-технического прогресса, и других критериев, независимых от событий мировой экономики в целом. Вторым элементом является развитие экономической сферы, куда вкладываются инвестиции, повышаются производственные силы и улучшается качество произведенной работы. Третьим элементом выступает стабильность и устойчивость экономической сферы государства, которая связана с борьбой с экономической преступностью, развитие предпринимательства, сокращение социального различия между людьми.

Рис. 2. Блоки, входящие в структуру экономической безопасности

Источник: составлено автором на основе: [7, с. 450]

К блокам, которые также входят в структуру экономической безопасности относятся: экономическая политика государства; усиление национальной безопасности; появление угроз в экономической сфере; поддержание безопасности экономики государства; закрепление индикаторов, влияющих на поддержание безопасности экономики; обеспечение экономики с помощью применения различных правовых ресурсов. Указанную информацию по блокам, входящим в структуру

экономической безопасности, представим в наглядной форме (рис. 2).

Экономическая безопасность представляет собой явление, направленное для на охраны интересов экономической сферы в длительной период времени, поддерживающее независимость такой сферы от угроз, которые могут исходить как внутри государства, так извне, а также поддержание высокого уровня жизни всех жителей государства с помощью воздействия данного государства на все сферы жизни общественного и государственного развития.

Методы и материалы

Для достижения цели, поставленной в данной работе, была использована совокупность общенаучных и специфических методов исследования: анализ, синтез, методы обобщения и научной абстракции – при определении сущности экономической безопасности, систематизации ключевых характеристик экономической безопасности и анализа угроз экономической безопасности России; сравнительный и статистический анализ – при исследовании современных тенденций и оценке параметров экономической безопасности в условиях санкций.

Информационно-фактологической базой исследования являются законодательные и нормативно-правовые акты, регламентирующие экономическую безопасность Российской Федерации (Указы Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», от 07.05.2018 № 204 (ред. от 19.07.2018) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» и др.) статистические и отчетно-аналитические данные Министерства финансов России, Центрального Банка России, Федеральной службы государственной статистики, научные публикации отечественных и зарубежных ученых по вопросам формирования экономической безопасности и содействия экономического роста страны в условиях сотрудничества санкций.

Полученные результаты

Показатели экономической безопасности РФ в 2015–2020 гг. представлены в табл. 1.

Из табл. 1 можно сделать следующие выводы. Уровень дефицита федерального бюджета выходил за рамки пороговых значений лишь в 2017 г. В 2019 г. бюджет был профицитным, однако в 2020 г. дефицит бюджета составил –3,8% ВВП, что ниже ожидаемого значения. Дефицит бюджета в 2020 г. вызвал кризисным состоянием экономики, связанным с развитием пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Таким образом, устойчивость бюджетной системы РФ в 2015–2020 гг. незначительно сократилась. Уровень цен

в РФ был стабильным, и лишь в 2015 г. превышал пороговое значение 10%. К 2019 г. уровень потребительских цен снизился до 3%. В 2020 г. уровень потребительских цен составил 4,9%, то есть уровень инфляции незначительно вырос в условиях кризисной ситуации, и лишь на 0,9% превысил

целевое значение, установленное Банком России. В целом за 2015–2020 гг. уровень инфляции существенно снизился, что указывает на улучшение экономической безопасности национального хозяйства России.

Таблица 1. Показатели экономической безопасности РФ в 2015–2020 гг.*

Показатель устойчивости	Пороговые значения	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1. Уровень дефицита бюджета (федерального),%	До 20% в течение одного года До 10% в течение нескольких лет	-2,31	-14,39	-21,96	0,00	14,09	-3,8
2. Стабильность цен (уровень инфляции),%	Не > 50% в течение года Не > 25% в течение нескольких лет подряд Не > 10% в течение ряда лет	12,9	5,4	2,5	4,3	3,0	4,9
3. Золотовалютный запас страны к консолидированному бюджету, %	Не < 40% консолидированного государственного бюджета	104,62	79,21	80,26	100,74	88,01	27,67
Золотовалютный запас страны к ВВП, %	Не < 20% ВВП	35,63	26,86	28,97	35,35	33,14	9,88
Золотовалютный запас страны к объему денежной массы, %	Не < 25% денежной массы, находящейся в обращении	89,09	63,45	64,86	76,72	73,07	78,70
4. Внешний долг страны к ВВП, %	Не > 50% ВВП при продолжительности периода возврата долга не < 10 лет	4,61	3,74	3,34	3,71	3,27	34,3
Внешний долг страны к доходам бюджета, %	Не > 20% нагрузки на бюджет в течение одного года	13,54	11,02	9,24	10,57	8,68	96,04
Внешний долг страны к ФНБ, %	Не > 5% национального богатства	69,72	71,26	76,48	84,61	43,68	262,59
5. Внутренний государственный долг к ВВП, %	Не > 75% ВВП при продолжительности периода возврата долга не менее 10 лет	9,24	9,63	10,10	9,96	9,79	13,79
Внутренний государственный долг к доходам бюджета, %	Не > 20% нагрузки на бюджет в течение одного года	27,14	28,40	27,99	28,39	26,01	38,61
6. Уровень общей безработицы	Не > 8%	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8
7. Отношение расходов на науку и научное обслуживание к ВВП	Не < 2% ВВП	1,10	1,10	1,11	1,0	1,03	1,15

*Рассчитано автором на основе: [18], [19], [20]

Золотовалютный запас государства был выше порогового уровня в 40% от величины доходов консолидированного бюджета. Максимальное значение золотовалютных резервов наблюдалось в 2015 г., минимальное – в 2020 г. – 27,67%. Причиной такой динамики регулятор можно назвать отрицательную курсовую переоценку и снижение цен на золото.

Золотовалютный запас страны к ВВП во все годы рассматриваемого периода, кроме 2020 года, был выше порогового значения 20%. Снижение уровня золотовалютного запаса к 2020 г. можно оценить негативно.

Уровень золотовалютных резервов к объему денежной массы в 2015–2020 гг. был выше порогового значения 25%, что указывает на повышение устойчивости денежной системы.

Внешний долг РФ во все годы рассматриваемого периода, кроме 2020 г. был низким, не превышал даже 5% от ВВП. В 2020 г. уровень внешнего долга к ВВП вырос до 34,3%, однако все еще ниже порогового значения, установленного в размере 50%.

По отношению к доходам консолидированного бюджета внешний долг в 2015–2020 гг. не превышал 20%, следовательно, долговая нагрузка на бюджет низкая. В 2020 г. отношение внешнего долга к доходам консолидированного бюджета выросло до 96,04%, что обусловлено снижением доходов бюджета вследствие негативной динамики нефтяных цен на мировом рынке вследствие влияния пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. По отношению к ФНБ величина внешнего государственного долга была значитель-

но выше пороговых 5%, и составляла в 2019 г. – 43,68%. Однако в 2020 г. значение данного показателя выросло до 262,59%. Следовательно, размер средств ФНБ в России является недостаточным.

Внутренний государственный долг в РФ является низким, и во все годы рассматриваемого периода не превышал порогового значения 75% от ВВП. По отношению к доходам бюджета внутренний государственный долг был выше порогового значения 20%, причем в 2020 г. наблюдалась некоторая тенденция к увеличению уровня внутреннего государственного долга.

Показателем эффективности реализуемой экономической политики выступает так же тот факт, что в сложных экономических условиях удалось избежать резкого скачка безработицы, а наоборот обеспечить ее снижение, что позволило сохранить социальную стабильность и поддержать уровень жизни населения.

В то же время в России низкая доля затрат на науку и научные исследования. При пороговом значении не менее 2% от ВВП, она составляла в 2020 г. лишь 1,15%, и незначительно выросла по сравнению с 2015 г.

Российская экономика сильно зависит от экспорта нефти и газа. Низкие цены на нефть, усилия по перевооружению вооруженных сил, в последние годы увеличили расходы, но более высокий в последнее время мировой спрос на нефть привел к незначительному улучшению экономики. Кроме того, заявка России на вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития была отложена [5, с. 88].

Проблемы обеспечения экономической безопасности России:

- сильная ориентация экономики на добычу полезных ископаемых (нефть, газ);
- торможение развития предприятий из-за инвестиционного климата;
- отсутствие национального производства.

После распада СССР и образования Российской Федерации (1991 год) вплоть до текущего года (2020) проводятся и предпринимаются меры, направленные на повышение экономической безопасности страны: внедрена система свободной торговли; применение современных технологий, присутствующих в развитых странах мира; принята рыночная модель экономической системы [6, с. 44].

Весна 2020 года принесла для российского населения и экономики ряд неприятных сюрпризов. Сначала, на фоне спада в мировой экономике и срыва соглашения ОПЕК+, резко снизилась цена на нефть, а за этим – и курс рубля. Затем введенный из-за пандемии коронавируса т.н. «режим самоизоляции» нарушил привычный ритм работы предприятий, организаций и даже целых отраслей.

Чтобы сохранить безопасность, обеспечить стабильность и добиться устойчивого развития государства, нужно бороться с коррупцией на всех уровнях власти; инвестировать в развитие новейших технологий; усиливать армию; контролиро-

вать исполнение бюджета; развивать и оптимизировать политическую и экономическую системы управления государством; разрабатывать, принимать и исполнять законодательные акты, обеспечивающих безопасность государства; глубоко анализировать предпосылки возникновения чрезвычайных ситуаций, создавать условия для предотвращения чрезвычайных ситуаций и максимально быстрого и эффективного устранения их возможных последствий.

Преодоление внешних угроз связано с улучшением инвестиционного климата; развитием конкурентных рынков, снижением уровня офшоризации российской экономики; принятием ответных мер при введении внешних санкций; оптимизацией налоговой нагрузки на бизнес и др.

МВФ выразил озабоченность резким снижением уровня развития мировой экономики. Так в 2021 году, как полагают эксперты, мировая экономика прекратит свой рост, потеряв почти 700 \$млрд или 0,8% мирового ВВП [14]. Однозначно, что закрытие городов-миллионников на карантин – это огромный вызов, который испытала экономика РФ. Наиболее уязвимыми оказались сырьевые отрасли и металлургия, и другие. Пострадали и сферы, связанные с инвестициями, в том числе финансовыми – это рынок недвижимости и аренда. Сложности наблюдались в отраслях туризма, гостиничного бизнеса, выставочной деятельности, ресторанного бизнеса. Пострадали мелкий и средний бизнес, работающий за счет кредитных источников финансирования. Согласно отчету Внешэкономбанка «Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры» отмечено, что на время карантина экономика сократилась на 40%, что привело к уменьшению ВВП на 3,4 трлн руб. или на 18%. Реальные доходы граждан снизились на 17,5%, при этом уровень безработицы поднялся на 10% [16]. Однако, принятые меры по поддержке бизнеса, в отраслях наиболее пострадавших от пандемии коронавируса, а также общие меры по поддержке и стимулированию развития бизнеса позволяют не допустить снижения ВВП ниже, чем на 5%, а реальные доходы населения менее чем на 7%. Причем, оба этих показателя в 2021 году снова вернуться на докризисный уровень. По данным Минэкономразвития падение ВВП России составит 4,8%. Восстановительный период и переход к дальнейшему росту экономики пройдут значительно быстрее, чем предполагалось раньше, так темпы роста ВВП в 2021 году ожидаются на уровне 3,2 вместо 2,8% по предыдущей оценке. В 2022 году экономика России, по новой оценке ведомства, вырастет на 2,9%, в 2023 году на 3,1%. Однако, следует отметить, что прогноз по росту экономики в 2021 году на 3,2% надо признать излишне оптимистичным, так как не очевидны источники восстановительного роста. Как справедливо замечает руководитель направления фискальной политики Экономической экспертной группы А. Суслина:

«В базовом варианте макропрогноза, очевидно, не закладывается вторая волна пандемического кризиса, риски которой сохраняются, а также не в полной мере учтен масштаб банкротств и ухода экономики в тень» [15]. Необходимость более четкого определения направлений функционирования и развития России и укрепление безопасности после пандемии коронавируса, была выражена в Июльском указе В.В. Путина, где были определены пять приоритетных национальных целей развития страны до 2030 года, что и является направлениями развития России на ближайшее десятилетие. Среди них: 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей, 2) возможности для самореализации и развития талантов, 3) комфортная и безопасная среда для жизни, 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство, 5) цифровая трансформация.

Среди новых экономических целевых показателей – обеспечение к 2030 году реального роста инвестиций в основной капитал на уровне не менее 70% по сравнению с показателем 2020 года, а также реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее 70% по сравнению 2020 годом [17]. Принятые меры государством по устранению последствий экономического кризиса в результате пандемии коронавируса, а также определенные векторы развития экономики на основе «майских указов» и скорректированные в июльском указе В.В. Путина, позволяют говорить о реальных возможностях, продолжить развитие экономики и следовательно, укрепить экономическую безопасность России.

Поскольку успешность решения актуальных задач развития общества и ключевых сфер его жизнедеятельности в значительной мере зависит от сложившейся системы государственного управления, то наличие более чем скромных плодов в этом направлении косвенно свидетельствует о крайне низкой ее эффективности. Для того чтобы национальная безопасность находилась на должном уровне, необходимо постоянно контролировать внутренние и внешние угрозы, список которых, в зависимости от конкретных социальных, правовых, политических и экономических условий меняется. И, чтобы правильно оценить степень опасности какой-либо угрозы и выбрать правильные пути её устранения, следует постоянно использовать самые информативные показатели.

Выводы

Оценка экономического развития РФ в течение 2015–2020 гг. позволяет сделать вывод об умеренной адаптации российской экономики к режиму международных санкций, которая удостоверяется восстановлением положительных темпов экономического роста в течение 2016–2019 гг. после падения в 2015 г. Этому способствовали повышение цен на нефть и достаточно успешные внутренние программы импортозамещения. В 2020 г., в связи с мерами, введенными в ответ на распространение

COVID-19, а также резким изменением структуры мирового потребления энергетических продуктов, снижение ВВП РФ ожидается на уровне 6,6% в годовом измерении (с прогнозным восстановлением до 4,1% в 2021 г.).

Необходимость трансформации экономической реальности для преодоления угроз экономической безопасности России должна проходить посредством синергетического механизма. Все это позволит России достичь высокого значения энтропии, выйти на новый уровень экономического развития и привести к стабильному и планомерному развитию страны и обеспечению экономической безопасности государства.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)
2. Указ Президента РФ от 12.05. 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации
4. Афонцев С.А. Дискуссионные проблемы концепции экономической безопасности // Россия XXI. – 2001. № 2. – С. 38–67.
5. Биржаков, М.Б. Экономическая безопасность туристской отрасли. + CD / М.Б. Биржаков. – СПб.: Герда, 2017. – 464 с.
6. Бобошко, В.И. Контроль и ревизия: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Экономическая безопасность», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Финансы и кредит» / В.И. Бобошко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 311 с.
7. Денисов Е.И. Экономическая безопасность: особенности исторического развития и сложность определения понятия // В сборнике: Молодая наука – 2020. Сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Отв. редактор С.А. Забелина. – 2020. – С. 449–458.
8. Коришева О.В. Экономическая безопасность. Учебное пособие для студентов специальности «Экономическая безопасность», бакалавров по направлению «Экономика». – М: РУТ (МИИТ), 2018. – 80 с.
9. Маковецкий, М.Ю. Дисбалансы социально-экономического развития регионов Российской Федерации: проблемы и пути решения / М.Ю. Маковецкий, Д.В. Рудаков, К.А. Ворпаев // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 161–170.
10. Рячкин А.Ю. Современные проблемы обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // В сборнике: Современные проблемы экономического развития. Мате-

риалы Всероссийской научной студенческой конференции. Отв. редактор Е.А. Кипервар. – 2020. – С. 119–125.

11. Савин В.А. Некоторые аспекты экономической безопасности России // *Международный бизнес России*. 2015. – № 9. – С. 89–96.
12. Сотская Д.А., Коренкова С.И. Экономическая безопасность России: современное состояние и тенденции // В сборнике: *Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации*. сборник статей по материалам Первого Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности. Тюмень, 2020. С. 45–51.
13. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // *Вести Московского университета*. Сер. 6. Экономика. 2016. – № 3. – С. 16.
14. МВФ: прогноз развития экономики России и мира. – URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 21.08.2021)
15. Минэкономразвития смягчило прогноз падения экономики России в 2020 году. Российское агентство поддержки малого и среднего бизнеса. 18 июня 2020 г. – URL: <http://www.siora.ru> (дата обращения: 21.08.2021)
16. Отчет Внешэкономбанка «Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры». Институт исследований и экспертизы ВЭБ. РФ. – URL: <http://www.imf.org> (дата обращения: 21.08.2021)
17. Путин подписал новый июльский указ о целях России до 2030 года. Главное. РБК, Экономика. 21 июля 2020 г. – URL: <http://www.rbc.ru/economics> (дата обращения: 21.08.2021)
18. Сайт Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ (дата обращения 21.08.2021)
19. Сайт Министерства финансов РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (дата обращения 21.08.2021)
20. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 21.08.2021)

national sanctions, which is evidenced by the restoration of positive economic growth rates during 2016–2019. after the fall in 2015, this was facilitated by an increase in valuable oil and rather successful domestic import substitution programs.

Keywords: economic security, national economy, threshold values, COVID-19 pandemic, sustainability, sanctions.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 29.04.1996 No 608 “State strategy of economic security of the Russian Federation (Basic provisions)
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 537 of 12.05. 2009 “On the National Security Strategy of the Russian Federation until 2020”
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31.12.2015 “On the National Security Strategy of the Russian Federation
4. Afontsev S.A. Debatable problems of the concept of economic security // *Russia XXI*. – 2001. No. 2. – pp. 38–67.
5. Birzhakov, M.B. Economic security of the tourist industry. + CD / M.B. Birzhakov. – St. Petersburg: Gerda, 2017 – – 464 p.
6. Boboshko, V.I. Control and audit: A textbook for university students studying in the specialties “Economic security”, “Accounting, analysis and audit” and “Finance and credit” / V.I. Boboshko. – Moscow: UNITY-DANA, 2018 – – 311 p.
7. Denisov E.I. Economic security: features of historical development and the complexity of the definition of the concept // In the collection: *Young Science-2020. Proceedings of the VII All-Russian Student Scientific and Practical Conference*. Editor-in-chief S.A. Zabelina. – 2020. – pp. 449–458.
8. Korisheva O.V. Economic security. A textbook for students of the specialty “Economic security”, bachelors in the direction of “Economics”. – M: RUT (MIIT), 2018. – 80 p.
9. Makovetsky, M. Yu. Imbalances of socio-economic development of the regions of the Russian Federation: problems and solutions / M. Yu. Makovetsky, D.V. Rudakov, K.A. Voropaev // *Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, No. 3. pp. 161–170.
10. Ryachkin A. Yu. Modern problems of ensuring economic security of the Russian Federation // In the collection: *Modern problems of economic development. Materials of the All-Russian scientific student Conference*. Editor-in-chief E.A. Kipervar. – 2020. – pp. 119–125.
11. Savin V.A. Some aspects of Russia’s economic security // *International business in Russia*. 2015. – No. 9. – p. 89–96.
12. Sotskaya D. A., Korenkova S.I. Economic security of Russia: current state and trends // In the collection: *Economic security in the conditions of digital transformation*. collection of articles based on the materials of the First All-Russian Forum in Tyumen on economic security. Tyumen, 2020. pp. 45–51.
13. Tambovtsev V.L. Economic security of economic systems: structure, problems // *Vesti of the Moscow University. Ser.6. Economy*. 2016. – No. 3. – p. 16.
14. The IMF: forecast of the development of the economy of Russia and the world. – URL: <http://www.vedomosti.ru> (accessed: 21.08.2021)
15. The Ministry of Economic Development has softened the forecast for the fall of the Russian economy in 2020. Russian Agency for Support of Small and Medium-sized Businesses. June 18, 2020-URL: <http://www.siora.ru> (accessed: 21.08.2021)
16. Vnesheconombank’s report “Trends in the development of the Russian economy in the context of the coronavirus pandemic and possible anti-crisis measures”. Institute of Research and Expertise of VEB. RF. – URL: <http://www.imf.org> (accessed: 21.08.2021)
17. Putin signed a new July decree on Russia’s goals until 2030. The main thing. RBC, Economics. July 21, 2020-URL: <http://www.rbc.ru/economics> (accessed: 21.08.2021)
18. Website of the Bank of Russia [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ (accessed 21.08.2021)
19. Website of the Ministry of Finance of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (accessed 21.08.2021)
20. Website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 21.08.2021)

ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE NATIONAL ECONOMY OF RUSSIA

Mambetshaeva A.E.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article analyzes the economic security of the national economy of Russia and identifies the main problems of its provision. The purpose of the article is to study the main directions of ensuring the economic security of the national economy of Russia.

The analysis of the indicators of the economic security system of the Russian Federation showed that it is quite stable, but there is a tendency for the growth of external and internal debt, exceeding threshold values in some indicators, an insufficient level of the NWF, as well as a decrease in gold and foreign exchange reserves. The article shows that the assessment of the economic development of the Russian Federation during 2015–2020. allows us to conclude that the Russian economy is moderately adapting to the regime of inter-